

К Р О К О Д И Л

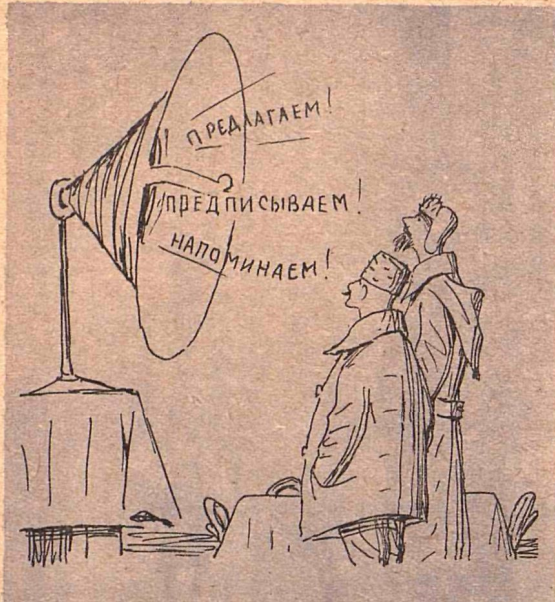
Бор. Ефимов - 38

Рис. Бор. Ефимова

— Порфирий Иванович, вы нам срываете стопроцентный охват! Немедленно записывайтесь в кружок коллективной читки. А вашу научную работу закончить всегда успеете!

Старики

Рис. Л. Соифертиса

— Как же извлечь из такого руководства пользу? — сказал предколхоза. — Ага, я, кажется, придумал.

— Надо перенести репродуктор на поле...

— ...и польза будет несомненная.

ЭТИ два старика познакомились в райсобесе при получении пенсии. Тут и выяснилось, что живут они в одном квартале.

Началась тихая, старческая дружба. Старики стали встречаться в местном сквере, где в хорошую погоду просиживали на лавочке до семи часов кряду.

Алексей Егорович Ипатов 25 лет прослужил бухгалтером в галантерейной фирме «Блинов и С-я», в Средних торговых рядах Китай-города. Николай Павлович Селезнев работал в обойном заведении в Кривом переулке, в Зарядье.

Единственный пункт, в котором Алексей Егорович и Николай Павлович относились друг к другу ревниво и даже настороженно, это был вопрос о детях. У Алексея Егоровича была дочка. К моменту знакомства стариков Екатерина Алексеевна Ипатова находилась на Дальнем Востоке, где она работала экономистом в городе Чумукане, на берегу Охотского моря. Старик Ипатов, хотя и вздыхал по ночам, мысленно пробегая 12 000 километров, отделявших его от дочери, вслух о дочке отзывался с гордостью и даже хвастовством.

— Дальний Восток, — говорил он, — это, брат, не шутка: там с одной стороны моржи и кашалоты, как у нас, допустим, щука или там лещ, а наряду с этим, пожалуйста, уссурийские тигры.

— Это в городе тигры? — недоверчиво спрашивал старик Селезнев.

— Ну городов, как правило, тигр избегает, тем более, при его дикости... А вот в тайге — сколько угодно.

— Тигров, конечно, мой Коля не видал, — обиженно подхватывал Николай Павлович, — зато этих барсов и потом — ну, знаете, такие козлы, у которых рога как велосипедный руль, — туры! Да, вот барсов и туров Николаша мой на Кавказе навидался столько, что, например, мы пришли в Зоологический сад, так он на них даже смотреть не хочет. Разве, говорит, это барс?

Алексей Егорович переводил беседу непосредственно на дочку:

— Вы знаете, моя Катя — удивительных способностей человек. Еще ей пяти лет не было, а она, бывало, задачи решала, как орехи щелкала. «Купец там купил 100 аршин сукна и выпустил все это в бассейн, а сам пошел из города А в город Б...»

— Пяти лет? — недоверчиво спрашивал Николай Павлович. — Что-то уж очень рано.

— Ну, может, десяти. Училась замечательно. А на счетах так насобачилась: с семи лет я ей давал проверять ведомости.

— С семи?
— Ну, не с семи — с четырнадцати...

Тут слово брал Николай Павлович:

— Мой Коля учился неважно, это надо прямо сказать, озорник был. Зато, когда перешел в 9-й класс, так стал интересоваться геологией: камушек какой-нибудь увидит или кристалл — затрясется весь. Николай и пошел по этой части — геолог-разведчик. Сейчас в экспедиции на Кавказе.

Особенную остроту приобретали разговоры обоих приятелей о детях, когда приходило письмо с Охотского моря или из Джульфы. Старик, получивший письмо, несколько дней ходил растроганный, содержание письма сперва рассказывал своими словами, потом давал его читать приятелю в подлиннике и потом, при случае, несколько раз ссылался на него. Наоборот, не получивший письма пенсионер вел себя очень надменно и, хвастаясь, врал о своем детище так явно, что это могло бы в другое время вызвать ссору.

Однажды, например, Алексей Егорович на почве письма, полученного Николаем Павловичем от сына, наврал, что его дочке объявили благодарность в приказе по учреждению.

Удовлетворенный письмом от сына, Николай Павлович не стал придираться к приятелю, но когда радость от письма была изжита, он вспомнил Алексею Егоровичу эту благодарность и долго, около месяца, все расспрашивал:

— Да! В какой это вы газете прочитали про дочку? Нельзя ли мне номерок поглядеть?

Неизвестно, как бы Алексей Егорович вернулся из этого затруднительного положения, если бы к следующему письму Екатерины Алексеевны не была приложена выписка о премировании ее за отличную работу.

Потом было такое событие: Николай Николаевич Селезнев, закончив работы на Кавказе, приехал в Москву, и отец познакомил его с другом.

— Вот... Только что приехал, — с гордостью сообщил Николай Павлович, — а через неделю опять ф-р-р — уезжает от нас на Дальний Восток. Новая экспедиция...

До сих пор пребывание дочери на Дальнем Востоке было большим плюсом Алексея Егоровича в соревновании стариков. И вдруг — нате вам: этот довод отпал...

Геолог уехал. Старики попрежнему встречались на сквере, ходили в магазины, вспоминали старые вывески Китай-города. О детях говорить стало труднее, потому что все уже было пересказано по нескольку раз.

Писали молодые люди очень редко. С некоторых пор оба старика, огорченные этим молчанием, перестали разговаривать о детях. Вдруг Алексей Егорович Ипатов получил письмо с заветным штампом города Чумукана. На этот раз Алексей Егорович не присел как обычно к столу, для того чтобы в полном комфорте и сосредоточенно прочитать письмо дочери. Он тут же, в передней, где получил письмо, нервно надорвал конверт, очки надел только на одну оглоблю, другая запуталась где-то в волосах, высоко над ухом. Конверт уронил на пол и не заметил этого.

«Дорогой папа, — прочитал Алексей Егорович, — пожалуйста, не сердись, что долго молчала. Очень уж много хлопот и по работе, и общественная нагрузка, и еще самодельный кружок... Даже на лыжах не ходила ни разу. А в общем все благополучно. К нам в город приехал один геолог — Николай Николаевич Селезнев. Он говорит, что знает тебя, и вообще он очень симпатичный. Кажется, я за него выйду замуж... в общем уже вышла».

Первый раз в жизни Алексей Егорович, не дочитав письма дочери, сунул его в карман и сразу стал натягивать пальто и обувать калоши, приплясывая для этого на одном месте. Через пять минут он вошел в комнату Николая Павловича.

Ипатов, слегка задыхаясь, произнес:
— Я вот письмо получил от дочери...

И он положил письмо на стол. Лицо у Николая Павловича сразу омрачилось. Николай Павлович отвернулся и фальшивым голосом сказал:

— Рад за вас... У меня, правда, письма не было, но телеграмма была.

Сразу было видно, что насчет телеграммы Николай Павлович соврал.

Алексей Егорович энергично махнул рукой и крикнул:

— Да вы прочитайте письмо от Кати!.. Я из-за чего же пришел?..

Николай Павлович церемонно взял письмо, поискал пенсне и, обнаружив его в кармане, оседлал нос. Прочитав известное нам начало письма, Николай Павлович как-то набекрень осел на стул.

— Нуте-с, — рывкнул Алексей Егорович. — Каково? Я же говорю: это если рассказать самому выдающемуся писателю, он просто не поверит.

Мысль эта только сию секунду пришла в голову Алексею Егоровичу, но ему казалось, что он уже успел сообщить ее всем знакомым.

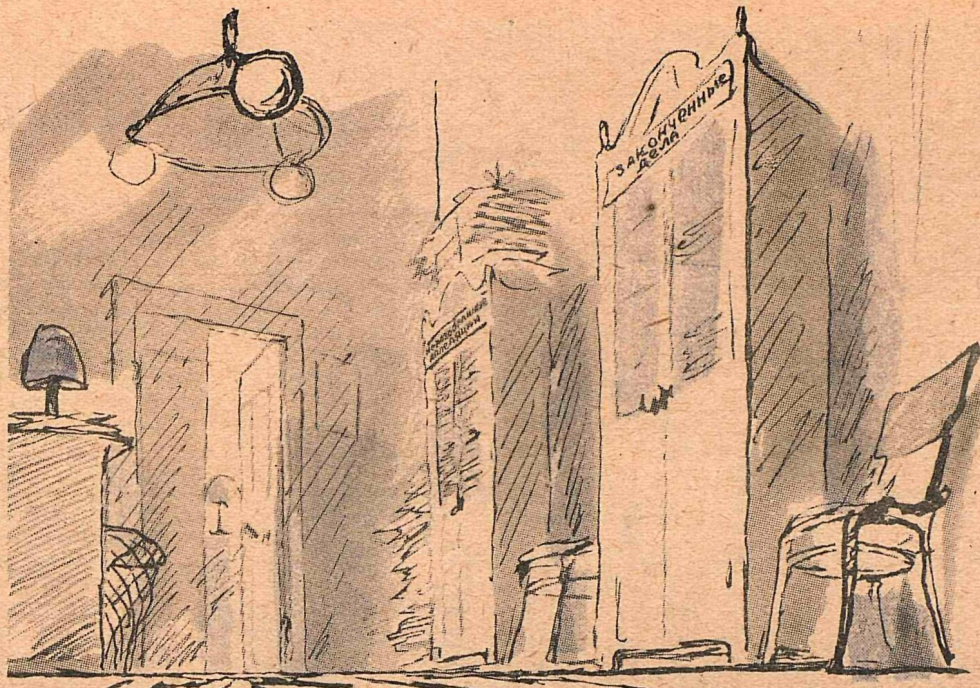
— Я так полагаю, — сказал Николай Павлович, — надо будет телеграмму отправить за вашей и за моей подписью. В смысле поздравления и, так сказать, пожеланий. Можно даже срочную...

Сочиняя текст телеграммы, Николай Павлович вдруг задумался, поднял глаза к потолку и улыбнулся необыкновенно нежно.

— Чего вы? — поинтересовался Ипатов.

— Нет... Я только думаю, что если, например, будет внук, то он — того... Общій будет. И мне то есть внук и вам...

В. АРДОВ.

ЦК коммунистической партии Киргизии не уделяет достаточного внимания апелляциям.

Рис. В. Горяева

ОБМАН ЗРЕНИЯ

Это только так кажется, что шкафы стоят рядом. А на самом деле путь от одного до другого шкафа равен шести—семи месяцам пешего хождения.

Оторванная пуговица

КАК БУДТО за ним кто-то гонится. Он всегда куда-то спешит.

Кроме всего прочего Карп Поликарпыч Подлещик — очень вежливый персонаж. Он то и дело перед кем-нибудь извиняется и постоянно у кого-нибудь осведомляется о состоянии здоровья:

— Извините, пожалуйста, как жизнь молодая? Что слышно в смысле здоровья? Как вообще дела?

Говорит он все это на ходу. Скажет — бежит дальше.

Он ничуть не интересуется вашей молодой жизнью. Его не занимает ваше здоровье. Его не волнуют ваши дела.

А спрашивает он потому, что почитает себя весьма воспитанным человеком. Он должен быть любезен — иначе нельзя. Гладко приглаженные волосы с ровным пробором и любезно-сладкие вопросы — это одна и та же черта в стройном характере Карпа Поликарпыча Подлещика.

Когда-то, очень давно, я читал в одном юмористическом рассказе о таком обаятельном человеке, который всех спрашивал: «Как ваше здоровье?» Карп Поликарпыч напомнил мне этого героя.

Особенно доставалось мне. Мы с ним, видите ли, работаем на одном этаже: он — в секторе снабжения, а я — в секторе распределения, так что приходилось часто встречаться в коридоре.

И всякий раз, пробегая мимо меня, неутомимый Подлещик спрашивал:

— Ну, как дела, Григорий Ефимыч?

Вот уж восемь лет, как я работаю в одном тресте с Подлещиком. В среднем он в день обращался ко мне с этим вопросом 10 раз (запомним эту цифру). В году 365 дней. Вычтем отсюда 30 дней отпускных. Для точности вычтем еще дней 20 на грипп, ангину и воспаленные надкостницы как у него, так и у меня. Итак, 365 минус 50 равняется 315. Помножим эту сумму на 10. Получим в итоге 3150.

Итак, ежегодно Подлещик спрашивает о моих делах минимум 3150 раз. Работаем с ним 8 лет. Помножим $3150 \times 8 = 25200$.

Двадцать пять тысяч двести раз человек справлялся у меня о моих делах. А я — эта-

кая серость! — ни разу толком не ответил ему. Какой позор!

Надо будет ответить. Только бы найти подходящий момент.

Недавно после окончания работы я встретил в коридоре Подлещика. В одной руке он держал портфель, туго набитый бумагами и газетами, в другой руке — огромных размеров арбуз. За плечами висел наполненный доотказа огромный рюкзак. Карп Поликарпыч торопился к вечернему пригородному поезду.

Я и подумал:

«Вот он, подходящий момент, чтоб рассказать любезному Подлещику о том, каковы мои дела!»

Карп Поликарпыч, поровнявшись со мной, спросил, как я того и ожидал:

— Ну, как дела?

Он попытался тут же прошмыгнуть мимо меня. Но довольно быть неблагодарным! Двадцать пять тысяч двести раз я невежливо смолчал. Хватит!

Осенней благодарной улыбкой, я подбежал к милейшему Карпу Поликарпычу, схватил его за пуговицу пальто и с дрожью в голосе произнес:

— Спасибо! Спасибо, Карп Поликарпыч! Умирать буду — вспоминать буду.

Подлещик с удивлением взглянул на меня:

— В чем дело?

Я еще более взволновался. Начал даже слегка заикаться:

— Карп Поликарпыч! Милый! Родной! Вы еще спрашиваете, в чем дело. Я от своего имени, своей супруги и малолетних деток приношу вам свое горячее сердечное спасибо за ту чуткость, которую вы неизменно в течение нашей восьмилетней совместной плодотворной работы проявляете ко мне. Кругом нас сухаричновники, черствые души, корыстные эгоисты, и только вы один так тепло и задушевно относитесь ко мне и всегда, как бы вы ни торопились, осведомляться изволите о моих делах. Так вот разрешите рассказать вам мою краткую автобиографию.

Я заметил, как в левой руке Подлещика задрожал арбуз. Подлещик испуганно взглянул на стальные часы и хотел мне что-то сказать. Но я не дал ему раскрыть рта:

— Ни слова, Карп Поликарпыч, ни звука! Всем известна ваша скромность. Не отнекивайтесь, пожалуйста. Я хочу быть с вами открытым до конца. Нет, нет, не прерывайте меня, мой драгоценный. Вы видите перед собой круглого сироту. Я рос без отца и матери. Я рос одиноко. Но рос я, Карп Поликарпыч, недолго. Когда мне минул четырнадцатый год, я вдруг перестал расти. И вот так до сих пор. Вы, при вашей прозорливости, вероятно, давно обратили внимание на мой куцый рост. Моя низкорослость, Карп Поликарпыч, причиняла мне много неприятностей. Я в душе кавалерист, Карп Поликарпыч... Нет, нет, не прерывайте меня. Минимум в полчаса — в сорок минут я изложу вам всю мою жизнь. У меня, слава богу, короткая биография...

Арбуз в левой руке моего собеседника дрогнул и скатился на паркет, расколовшись на две неравные части. Я еще крепче вцепился в пуговицу Подлещика и, дрожа от волнения, продолжал свой трогательный рассказ:

— Да, я в душе кавалерист. Мне снятся буйные рысаки, на которых я мчусь по полям, по лугам, по долинам. А когда я попал в царскую армию, меня по причине сокращенной рослости назначили в пехоту. Назначили меня в пехоту и отправили на германский фронт. Приехал я на фронт рано утром, и мне там сразу не понравилось. С одной стороны стреляют, с другой стороны стреляют. Ужасный шум в ушах. Кругом стреляют, кричат, галдят. Нет, я не могу воевать при таком шуме! Создайте раньше для меня подходящие условия, а потом уж посылайте на фронт. И вот тут начинается самое интересное... Не прерывайте меня, Карп Поликарпыч. А то я могу потерять нить рассказа. Вы же знаете, я не оратор. Что? Куда вы?..

Подлещик вдруг рванулся. Пуговица его пальто осталась в моих руках. А он стремглав летел по лестнице, перескакивая сразу через две, а то и три ступеньки.

С тех пор любезнейший Карп Поликарпыч Подлещик не задает мне больше вопросов о моем здоровье, о моих делах.

А оторванную с его пальто пуговицу я ношу всегда при себе: дорога как память.

Г. РЫКЛИН

Клинический случай

В ОТ КАКОЙ удивительный случай произошел со мной.

Давеча захожу в одну амбулаторию полечиться. У меня, как говорится медицинским языком, нервы стали пошаливать. И вот захожу в кабинет врача и вижу перед собой брнета, сидящего за столиком.

Рассказываю ему, что со мной. И он начинает меня слушать.

Он послушал через трубку мое утомленное сердце и говорит:

— Небось, высоко вон живете? В пятом или в шестом этаже? Эвон, как сердце трепыхается.

— Нет,— говорю,— живу во втором этаже.

— Ах, во втором этаже! Это меня устраивает,— говорит врач.— Может, в таком случае, ссоритесь с жильцами? Небось, коммунальная квартира? Сорок жильцов, крики и так далее?

— Да нет,— говорю,— наоборот: проживаю в маленькой квартирке, где один только глухой профессор с супругой и я.

Доктор говорит:

— Ах, вот как! Это становится интересным. Ну-те, положите ногу на ногу. Сейчас я вас ударю медицинским молоточком по коленке и увижу, что с вами.

Увидев, что моя нога от удара высоко подскочила, доктор говорит:

— Так и есть. Функциональное расстройство нервной системы.

Я говорю:

— Какое лечение пропишете?

Доктор отвечает:

— Если хотите, пропишу пилюли. Но их бесцельно глотать. Конечно, сразу вам хуже, пожалуй, от них не будет, но я сомневаюсь, что они вам какую-нибудь пользу принесут.

Я говорю:

— А что же тогда делать при этом моем заболевании?

Доктор говорит:

— Многим помогает перемена обстановки. Переезд в другой город. Перемена службы. Обмен квартиры. Все-таки человеку приходится жить сорок лет в одной и той же комнате. Иногда хочется пожить в другой. А для нервов это крайне полезно.

Я говорю:

— В другой город я не поеду. А что касается обмена квартир, то, говорю, это можно сделать, но жалко: хорошая, говорю, у меня комната. Чего я буду с бухты-барахты менять ее на худшую?

Доктор говорит:

— А что, большой метраж, что ли?

— Метраж,— говорю,— небольшой—семнадцать метров плюс небольшой отдельный коридорчик.

Доктор говорит:

— Это становится интересным. А встанет в этом вашем мизерном коридорчике книжный шкаф?

Я говорю:

— Свободно могут встать два шкафа и табуретка, и еще останется узкий проход в комнату.

— М-да,— говорит врач,— такие комнаты редко бывают в хорошем районе.

— Нет,— говорю,— и район ничего себе—Петроградская сторона.

— Ах, вот как, действительно, жалко менять такую комнату. Конечно, если доплату дадут, то вы не жалейте, меняйте и переезжайте.

— Без доплаты,— я говорю,— естественно, я и не перееду.

— А много ли хотите доплаты?— говорит врач.

НА УЛИЦАХ БЕРЛИНА

Рис. Ю. Ганфа

— Говорят, Ганс, что аппетит приходит во время еды. У меня, к сожалению, он приходит на сутки раньше.

Я говорю:

— Надо осмотреть комнату. Может, мне подкинут такую площадь, что жизнь будешь не рад. И вообще я не хочу менять. Что вы, ей богу, ко мне привязались?

Доктор говорит:

— Конечно, если не хотите, то и не переезжайте. Я же вас за воротник не тащу. Я вам говорю с точки зрения медицины: переезжайте в том случае, если это вам интересно. А если вам неинтересно, то и сидите в своей берлоге, хворайте нервными заболеваниями, умирайте преждевременно.

Я говорю:

— Прямо уж и не знаю, что делать. Главное — комната веселенькая, на солнечной стороне.

— Ах, даже на солнечной стороне! — говорит врач. — Это становится интересным. И что же, целиком она на солнце, или она немножко глядит на запад?

— Целиком, — говорю, — на юг. Солнце так и жарит целый день.

— Многие сердечники, — говорит врач, — это худо переносят. Короче говоря, сколько хотите доплаты, если вам дать комнату в двенадцать метров в 4-м этаже?

Я говорю:

— Хотелось бы прежде осмотреть эту вашу паршивую комнатенку.

— В таком случае, — говорит доктор, — запишите мой адрес и вечером приходите. Насиловать вашу волю я не буду. И за просмотр, за визит, с вас ничего не возьму. А пока одевайтесь и идите с богом, посоветуйтесь с женой.

Вот я оделся и вышел на улицу. И прошел сгоряча два квартала. Потом мне стало досадно, что я плохо полечился. И я решил вернуться к врачу, чтоб спросить, не нужно ли мне ванны принимать с какой-нибудь мурой — морской солью и так далее.

И вот я снова поднимаюсь к этому врачу и вхожу в его кабинет.

А там уже другой пациент. И врач, слушая его в трубку, говорит:

— М-да, сердцебиение порядочное. Небось в пятом этаже живете?

Пациент уныло говорит:

— Живу в седьмом этаже.

— М-да, — говорит врач, — дураков мало меняться с вами. Одевайтесь.

Тогда я подхожу к столу и говорю:

— Довольно странно мне слышать ваши слова, обращенные к другому пациенту. Раз вы со мной договорились насчет комнаты, то зачем же вам снова расспросами заниматься?

Доктор говорит:

— Четвертый месяц ищу комнату — не могу найти. Всех опрашиваю, и это вошло у меня в привычку. Что касается вашей комнаты, то район меня не совсем устраивает, и через это я стал сомневаться. Уходите оба, сейчас ко мне еще один пациент придет, может быть, из центрального района.

Тут в дверь постучали, и вошел еще один пациент, которому врач сказал:

— Раздевайтесь. Побеседуем, что у кого болит.

В общем теперь я хочу полечиться у другого врача. А то этот меня еще больше расстроил. И даже у меня теперь начались головные боли.

А может быть, у меня начались головные боли от того, что мой квартирант-профессор целые дни кипятит какую-то химию в своей колбочке. От этого в квартире вредный запах. И я, кажется, действительно возьму и поменяю свою комнату.

Вот завтра пойду к какому-нибудь врачу и побеседую с ним об этом. Было бы славно, если б попался врач вроде этого. Впрочем, сильно сомневаюсь, что еще раз встречу такого же боевого медика.

МИХ. ЗОЩЕНКО

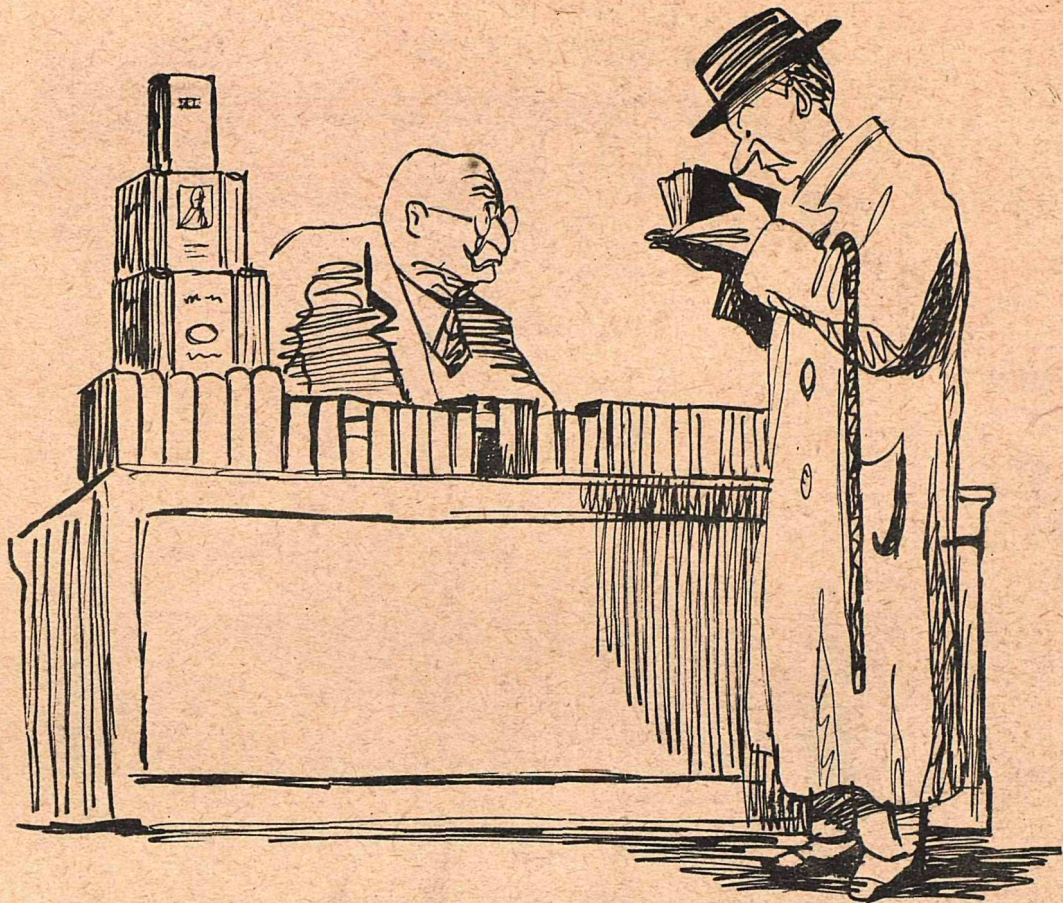

Рис. Л. Бродаты

В ГЕРМАНСКОМ КНИЖНОМ МАГАЗИНЕ

— „По утрам он ел вкусный бифштекс, пил кофе со сливками...“
Нет, эта книга мне не подходит. Я не люблю фантастических романов.

Военное министерство Японии опубликовало приказ о награждении 70 военных лошадей за их „выдающуюся службу в армии“.

Рис. А. Радакова

ЗАБОТА О ЛОШАДЯХ

— Проходи, проходи!.. Здесь тебе не место...
— Я только хотел пожать копыто моей лошади. Мы вместе сражались под Бейпином.

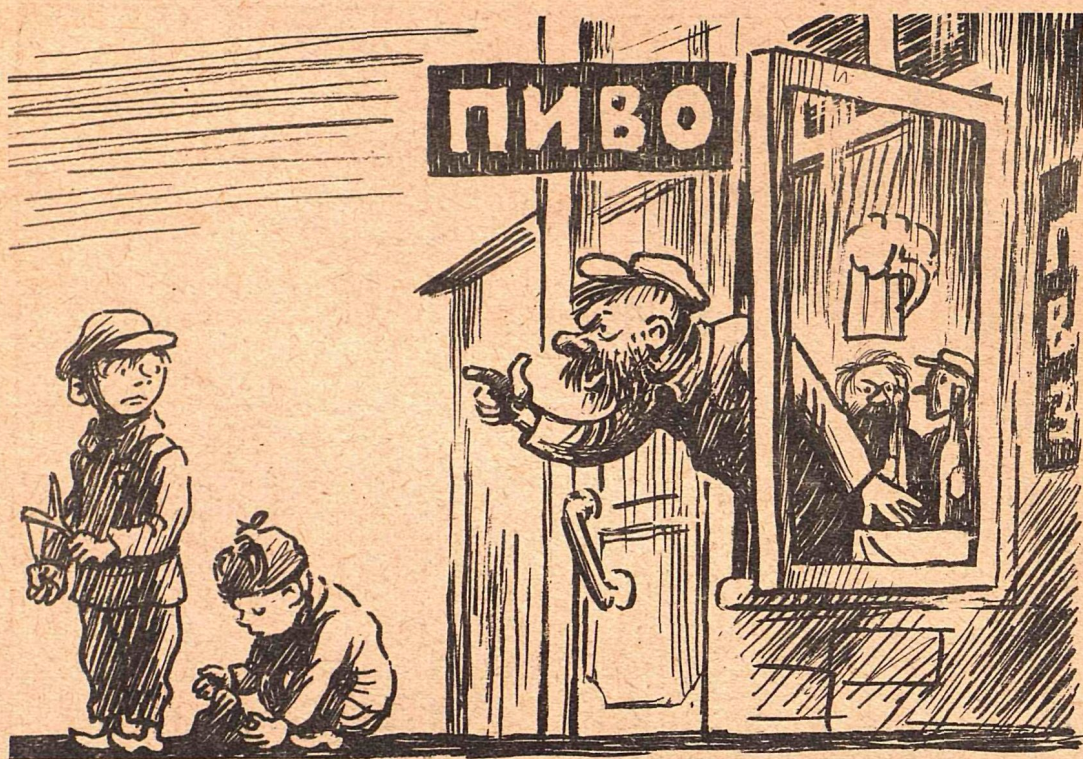

Рис. Н. Радлова

РОДИТЕЛЬСКОЕ ОКО

— Я весь день наблюдаю за тобой, бездельник! Когда ты, наконец, научишься разумнее проводить время?

Незнакомка

ОН ПОЛЬЗОВАЛСЯ огромным успехом у женщин. Он был отважным летчиком, бесстрашным моряком, мужественным танкистом и маститым полярником. При встречах с девушками он не выражался избитыми фразами, как например «разрешите вас взять под ручку», «позвольте проводить домой» или «как вы красивы». Виктор Бочкарев изящно кланялся и учтиво просил:

— Разрешите пришвартоваться с левого бор-та.

Но прежде всего следует отметить, что Виктор никогда не лгал и не был самозванцем. Он работал киномехаником одного из больших центральных кино, и чего только ни навидался этот юноша за полтора года своей увлекательной деятельности: с утра до вечера всматриваясь в темноту зрительного зала, он видел леса, горы, пустыни, льды, моря, чудесные полеты и приключения героев. Если на пятидневке демонстрировался фильм из жизни моряков, он незаметно для себя перенимал их жесты, манеру разговора, начинал ходить немного вразвалку и называл свою будку «кают-той». Программа менялась, тогда Бочкарев являлся на свидание совершенно неузнаваемым и уже не пришвартовывался, а как-то с ходу бредущим полетом подхватывал девушку под руку, а гуляя по улицам, все время смотрел на туманное небо и от всего сердца скорбел, что сегодня нелетная погода.

Каждый день, с утра и до вечера, Бочкарев под треск аппарата видел на экране потрясающую любовь. Изо дня в день живя образами кино, Виктор ждал настоящей любовной встречи. И она произошла в трамвае.

Однажды в переднем вагоне, у двери передней площадки, Виктор увидел хрупкую девушку, и мгновенно все героини кино — видения экрана — исчезли из его чувств, памяти и сознания. Виктор шпором врзался в публику (на этой пятидневке шла авиационная картина) и выровнялся лишь за спиной у девушки. Поеживаясь в своей короткой синей жакетке, она вышла на площадку и осторожно спустилась на ступеньку. Трамвай уже почти остановился, но впереди застрял грузовик, и вожатый, оглушительно трезвоня, медленно волочил вагон к остановке.

Но девушка упорно стояла на подножке, а Виктор изо всех сил сдерживал обрушившуюся на него публику.

Трамвай уже не ехал, не двигался, а полз. Девушка продолжала стоять на подножке и не хотела прыгать. Позади раздавались отчаянные вопли, по спине Виктора барабанили десятки костистых кулаков. Женщины щипали его. Виктор тронулся с места, лишь когда трамвай окончательно остановился и девушка сошла на мостовую.

Неожиданная робость охватила пылкого Бочкарева. Он растерялся и молчаливо шагал за девушкой по переулку, до тех пор пока она не скрылась в одном из под'ездов. В последнюю секунду Виктор опомнился, кинулся в парадное и успел заметить, какая дверь захлопнулась на втором этаже.

На следующий вечер он уже стоял в переулке и разглядывал освещенные окна второго этажа. Он ждал около часу, девушка не выходила на улицу. Тогда он пошел на самые крайние меры и послал с мальчишкой записку.

«Милая незнакомка, — наспех написал Виктор, — не удивляйтесь, вы мне очень нравитесь. Сойдите вниз, и мы прогуляемся».

Мальчик быстро вернулся и важно, с пониманием дела, сообщил:

— Сейчас выйдет.

Обрадованный Виктор хотел было дать мальчугану гривенник, но, решив, что деньги могут испортить ребенка, сунул ему папиросу.

Не прошло и трех минут, как незнакомка появилась в под'езде.

Уставившись друг на друга, они долго молчали, наконец, незнакомка спросила:

— Скажите, вы писали эту записку?

— Я.

— Какая ерунда! — отступая назад, гневно воскликнула девушка. — Я думала, что это шутит кто-либо из знакомых. Иначе бы я не вышла.

— Клянусь, перед вами не нахал, — взмолился Виктор. — Выслушайте меня, прошу.

Незнакомка грозно подошла вплотную к Виктору, и он, боясь, что девушка уйдет, говорил, не умолкая ни на секунду. Он объяснял до тех пор, пока она не расхохоталась.

— Замолчите. Насколько я понимаю, вы хо-

тите познакомиться. Хорошо. Раз вы потерпели из-за меня, я согласна. Лена.

И она протянула руку. Виктор тотчас ободрился и пригласил незнакомку пройтись.

— Минут десять могу, — сказала девушка, застегивая жакетку. — Послезавтра зачет. Да и потом сыро, холодный ветер.

— Пустяки, — подхватил Виктор, — на Новой земле, на Маточкином шаре бывает ветер 55 метров в секунду.

— Вы полярник?

Виктор сделал вид, что не расслышал вопроса, и моментально переключился на морскую стихию.

— В океане, когда ураган достигает 12 баллов, капитан объявляет аврал и боцман свистит: «Все наверх!»

— Вы моряк?

Спеша сменить скользкую тему, Виктор взглянул на звезды и похвалил:

— Идеальная погода для ночных полетов.

— Вы пилот? — остановилась Лена. — Почему вы не отвечаете?

На этот раз Виктор не мог промолчать, но он скромно и довольно ловко вывернулся:

— Уверю вас, что я не Чкалов.

Два часа они ходили по улицам, и Виктор рассказывал о пикирующих полетах, о том, как порой приходится пробивать облака и что чувствует пилот, когда под облаками загадочные льды. Уловив восторженный взгляд Лены, он с воодушевлением начал описывать воздушный бой и атаку истребителей.

Прощаясь, они долго не расходились. Условившись созвониться под выходной день, она сама записала ему в блокнот номер своего телефона.

Три дня Виктор мечтал о новой встрече. Одна лишь мысль тревожила его: что если Лена приняла его за пилота? Она будет считать его самозванцем. Неужели она разочаруется и перестанет встречаться? Как бы вернее закрепить знакомство? И вдруг замечательная мысль захватила Виктора. Чего проще. Он купит два билета на круговой полет над Москвой и... О, это будет изумительно!

С трудом Виктор достал два билета и вечером под выходной день в антракте из фойе он позвонил Лене.

— Встретимся завтра в половине третьего, — прокричал он в трубку, — на аэродроме!

— Постараюсь, но, возможно, я запоздаю.

На аэродром Бочкарев приехал ровно в назначенный срок. Но Лены не было.

— Граждане пассажиры кругового полета, — объявил дежурный, — прошу на аэродром.

Лена не шла.

«Испугалась», — печально заключил Виктор, снова вспоминая трамвай. С тяжелым чувством он сел в самолет, заткнул уши ватой и даже не заметил, как машина взлетела. Потерянный день. Виктор не смотрел в окно и только ждал, чтоб самолет быстрее приземлился. Скорее бы добраться до телефона.

Ревущие моторы, смирившись, затихли, близко промелькнула земля, колеса побежали по полю, самолет остановился.

Виктор соскочил на траву, и... у крыла самолета он увидел Лену. Она стояла в распахнутом кожаном реглане и стаскивала с головы шлем. На мгновение Виктор остолбенел. Он хотел незаметно скрыться, но Лена внешне увидела его.

— Виктор, вы меня нашли? Простите, я задержалась, сегодня у меня полеты.

— Вы... вы летчик?

— Да... Но чему вы так удивляетесь? Вы же сами пилот. И какой пилот! Надеюсь, вы мне сегодня покажете...

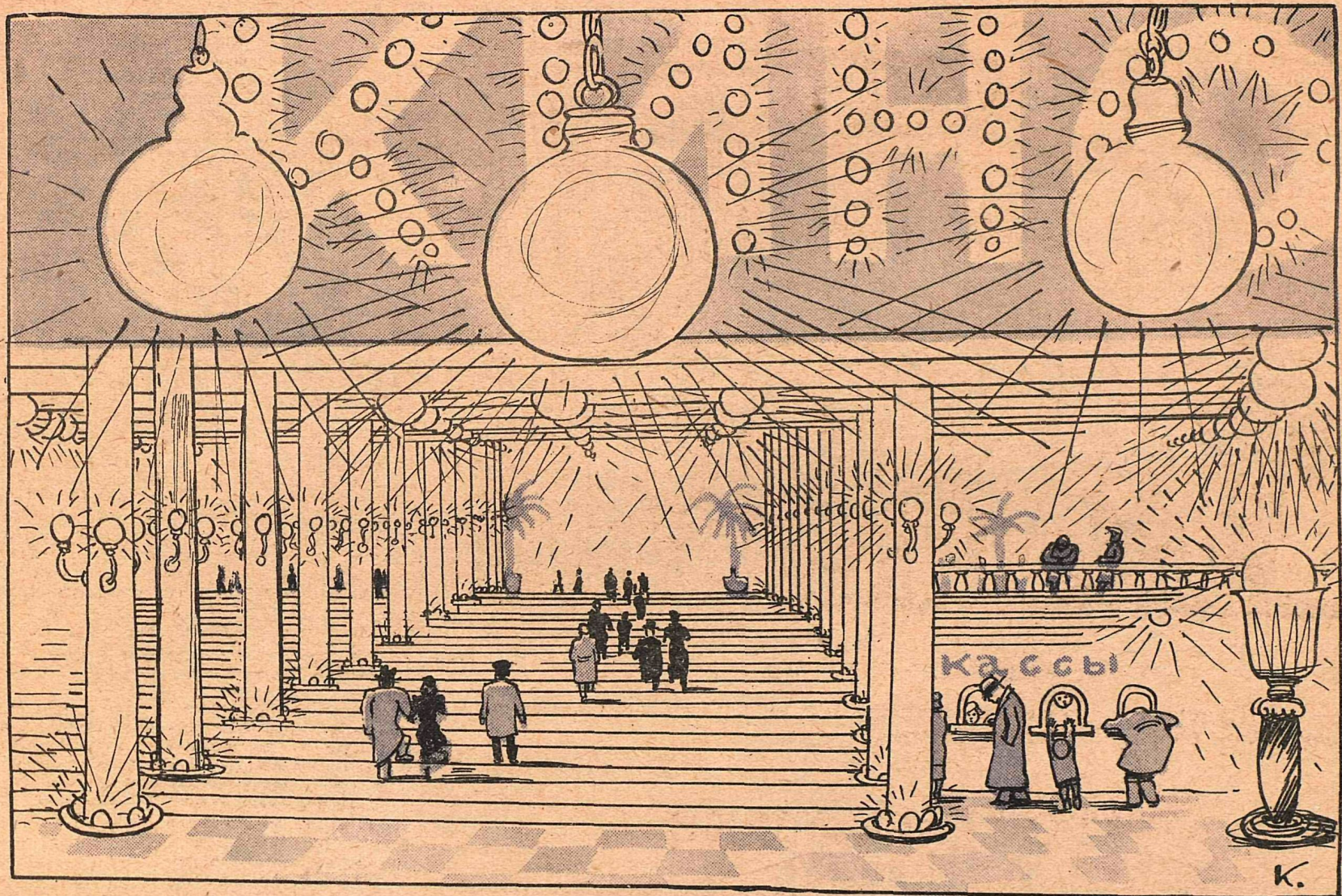
— «Гайчи», — еле слышно пробормотал Виктор — приключенческий фильм из жизни найцев.

...Объяснение заняло не более двух минут. Лена была очень польщена, что Виктор летал с ней, особенно она обрадовалась, узнав, что он не летчик.

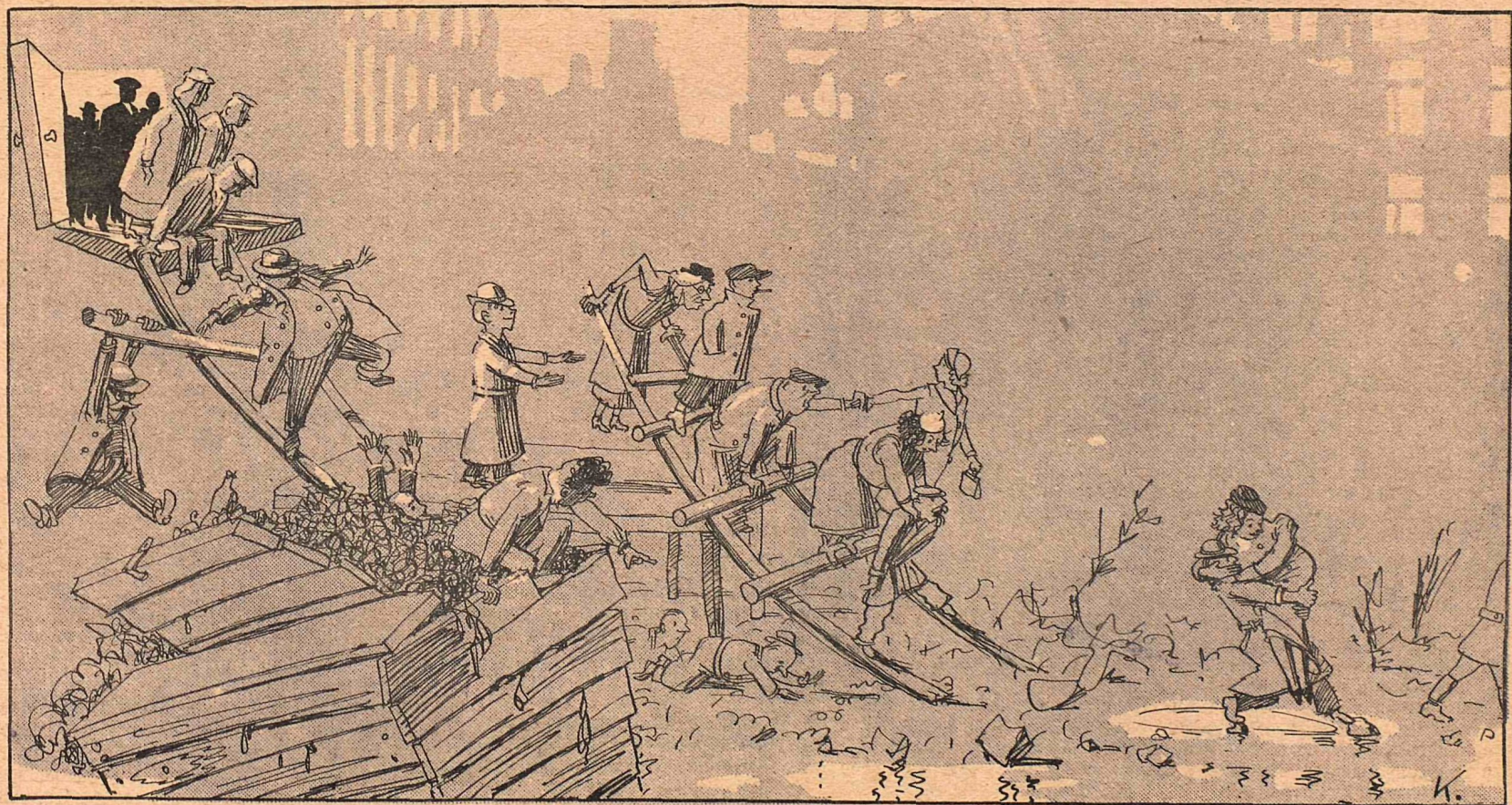
— Вы себе не представляете, — призналась она, — как я рада, что вы не пилот. Я думала... Мне было так неловко перед вами... Я ведь всего два года летаю. Так вы киномеханик? Как хорошо! Мы обязательно должны сегодня же встретиться! Что сегодня идет в нашем кино?

МИХ. РОЗЕНФЕЛЬД

Рис. А. Каневского

Вход в кинотеатр.

Выход из кинотеатра.

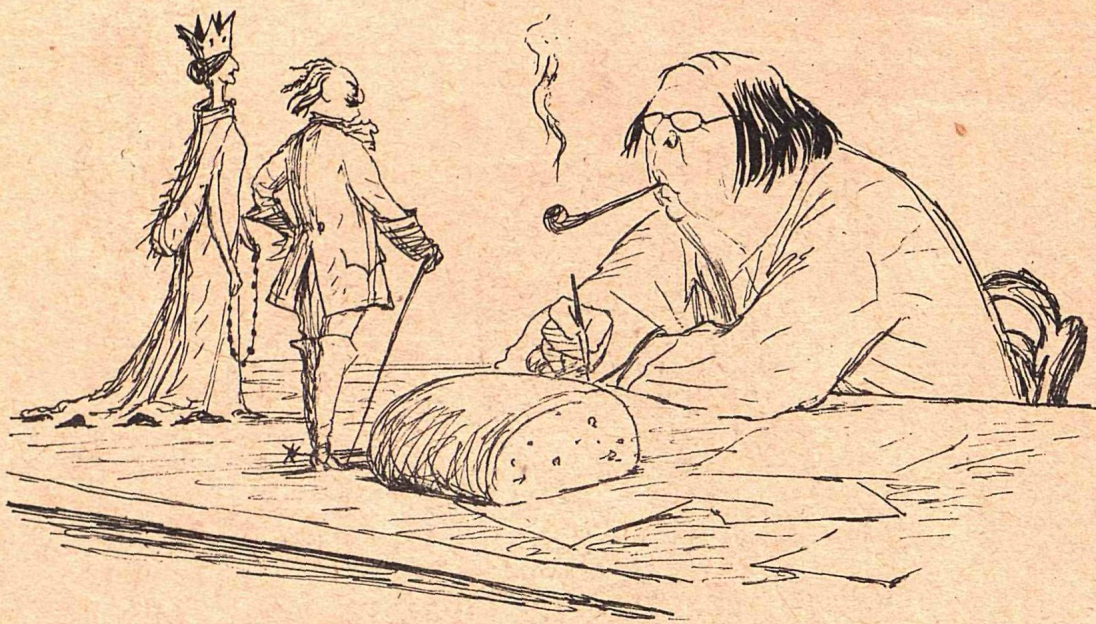

Рис. Л. Соифертиса

НЕ ЕДИНЫМ «ХЛЕБОМ» ЖИВ ЧЕЛОВЕК.

Рис. Кукрыниксы

ПОХВАЛА АВТОРУ

(К постановке «Тома Кенти»
С. Михалкова, по мотивам
Марка Твена).

Пусть мы скажем о пьесе новой
Не во всей ее полноте,
Но давайте в стихе толковом
Вспомним Твена похвальным словом,
Что в соавторстве с Михалковым
Оказался на высоте.

Рис. Л. Соифертиса

В. Г. БЕЛИНСКИЙ *).

*) По недосмотру редакции были перепутаны рисунки. На портрете мы видим Елену Усиевич, никак не являющуюся Белинским. Редакция приносит свои извинения.

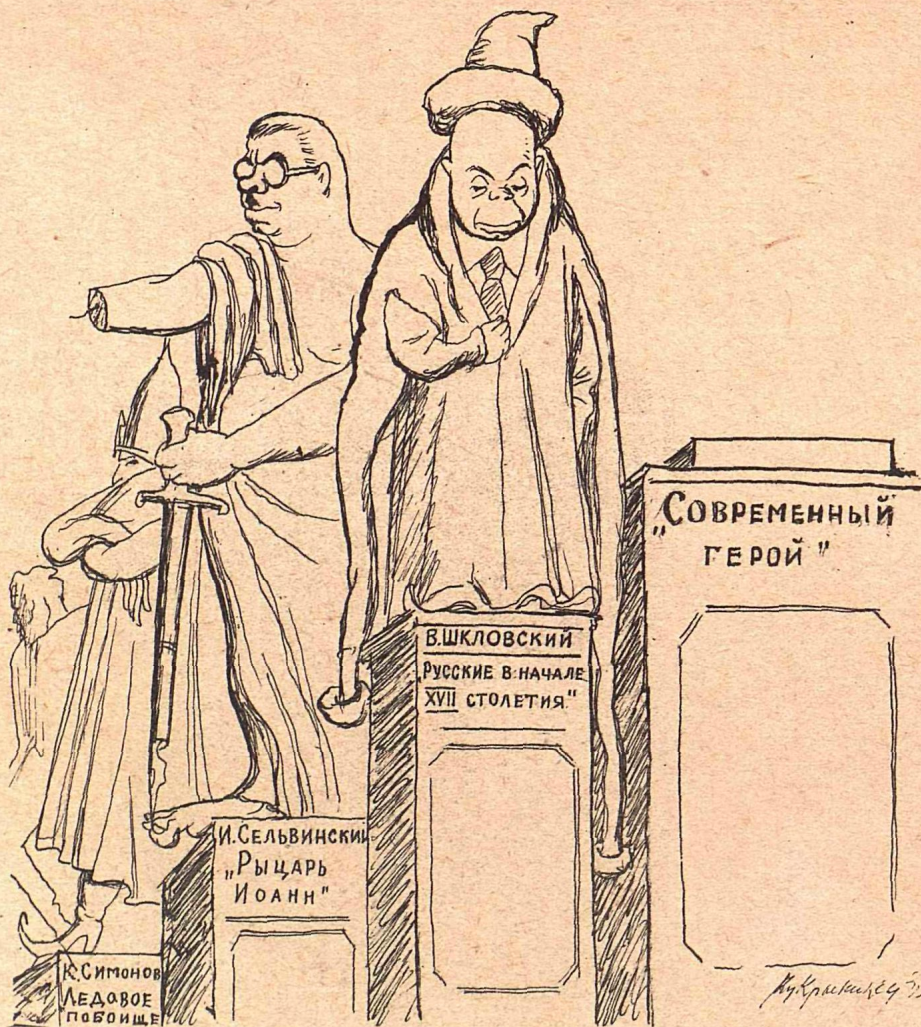
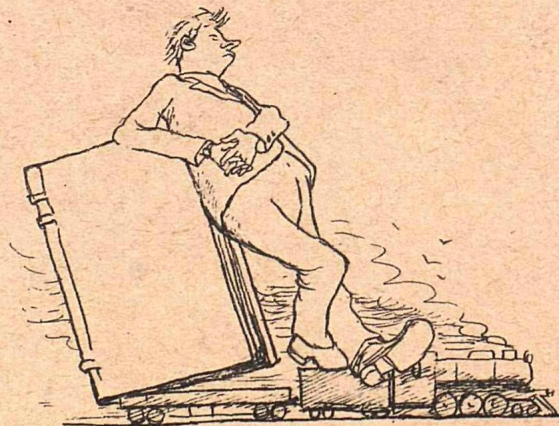

Рис. Кукрыниксы

Ошую нас боярин Шкловский,
Сельвинский ратник — леворуч
И Невский князь, спаситель Псков-
ский,

Стоит, воздев главу до туч.
Есть Иоанн, есть Емельян,
Хоробрый Разин, свет Степан,
Любой герой, почивший в бозе,
Тому пять — шесть веков назад,
Отображен в стихах и в прозе
И встал среди творений в ряд.

И лишь один герой отстал,
Не вознесен на пьедестал.
Ему годов от роду двадцать,
Он жив, он молод. Но пока
Писатели ушли в века,
Им бесподручно отрываться.
И позволительно спросить:
Доколь такое зло сносить?
Ужель писать портреты не с кого
Опречь Суворова и Невского?

В романе одном
Повествуют о том,
Как был спасен паровоз.
Герой блондин
Остался один,
Но вышел из-под колес.

Зат
Мы
Зна
Под
Бло
Спа

Рис. И. Семенова

ГРУБАЯ ПРОЗА

— Планы у меня такие: закончу новый сценарий и займусь музыкальной комедией.
— А как же ваша проза?
— Подожду, пока объявят конкурсы на лучший роман.

Рис. Кукрыниксы

Н. АСЕЕВ («Варе Одинцовой»):
Ты ли меня, я ли тебя иссушила,
Ты ли меня, я ли тебя извела,
Ты ль мою голову буйную вскружила,
Ты ли меня, молодца, с ума свела?

Я с тобой, девицей, потерял оглядку,
Я взорел от радости, голову склонил,
Потерял оглядку
И пошел в присядку,
Даже предисловие лихое сочинил.

Рис. В. Горяева

ПЕТР СИНКЛЕР И ЭПТОН ПАВЛЕНКО

(Будущие соавторы по книге «Красное золото»)

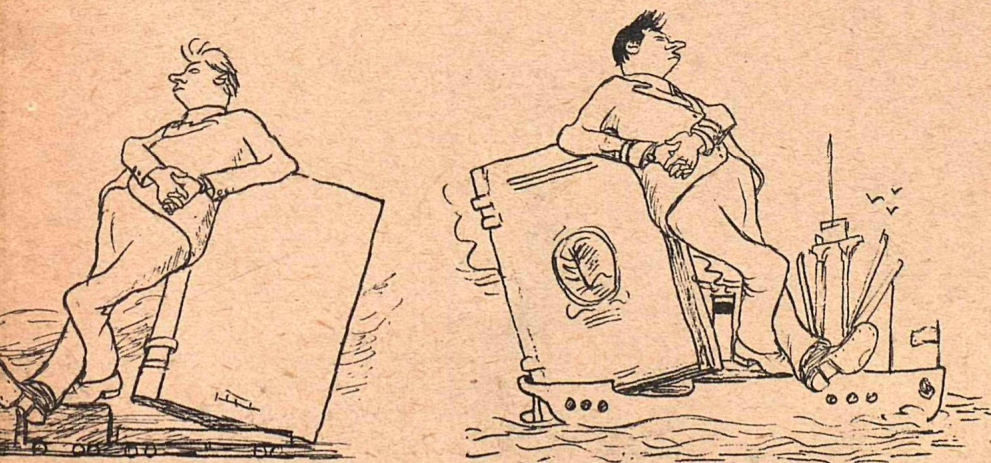

Рис. И. Семенова

А третий журнал
(Оригинал!)
Отказался от этой моды,
Блондина нет
И герой бронет
Спасет одни пароходы.

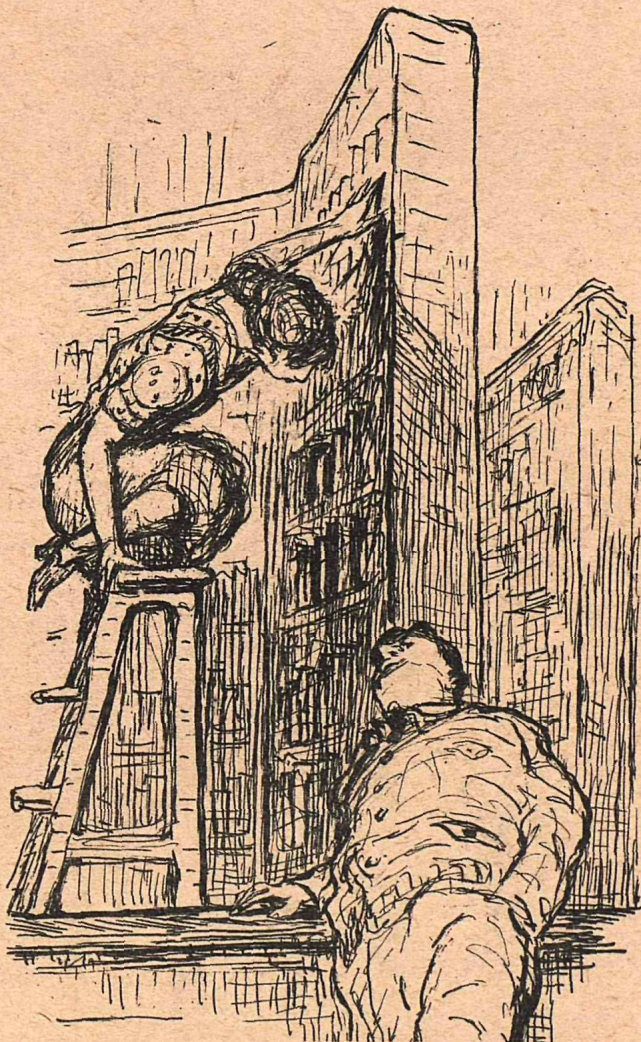

Рис. В. Горяева

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

— Могу ли я у вас достать писателя * на французском языке?
— Зачем на французском?
— А по-русски его очень трудно читать.

* Читатель, как вы думаете, какого писателя назвал посетитель библиотеки.

ем в журнале
снова узнали
комый уже мотив:
крутой горой
ондин герой
саает локомотив.

Рассказы Старого Линя

ПИСАТЕЛЬ Сыроедов довольно долго бродил по улицам Суходольска в поисках Сергея Линева. Наконец, какой-то мальчуган указал ему на домик с красной крышей и фикусами на окнах и сказал:

— Вот тут и живет Старый Линь.

Сыроедов облегченно вздохнул и первый раз за весь день улыбнулся: он был у цели своего трудного путешествия. Суходольск отстоял от Москвы всего в пятистах километрах, но ехать нужно было с тремя пересадками и кроме того в общих вагонах, к которым Сыроедов питал отвращение.

Однако Сыроедов утешал себя мыслью, что все его страдания окупятся сторицей: ведь он ехал к Старому Линю, о котором слышал так много замечательного. Уже в дороге почти сложилась в голове Сыроедова увлекательная повесть о жизни этого человека, оставалось только увидеть Старого Линя, чтобы его образ во всем своеобразии и великолепии за сверкал на страницах повести.

И вот он увидел Старого Линя. На крыльцо вышел старичок с ясными синеватыми глазами, с милой улыбкой на пухленьком розовом лице, в жилетке поверх украинской расшитой шелками рубашке.

— А я вот какой! — как бы говорили его глаза, сощуренные в добродушной усмешке.

Хозяин провел гостя в крохотный садик с тремя старыми яблонями и беседкой из неочищенных березовых кольев, заплетенных цветущей фасолью, алые цветы которой горели на солнце как огоньки.

Линев усадил Сыроедова в качалку, сам примостился возле на скрипучей скамье и вопросительно посмотрел на гостя:

— Ну, сердце мое, рассказывайте, зачем пожаловали в наш Суходольск?

Голос у Линева был певучий, неторопливый, ласковый.

— Да вы и сами, верно, догадываетесь, Сергей Иванович. Ведь в Суходольске самое интересное — это вы, а наш брат, писатель, как пчела, летает туда, где пахнет медом...

— Многие интересуются моей жизнью, это верно, сердце мое. Что и говорить, мне есть что рассказать, повидел на своем веку и людей, и зверей, и разных чудес... Где меня только ни носило! Сколько происшествий выпало на мою долю! А вот теперь, сердце мое, к тихому пристанищу прибилась, как бы в гавань вошел корабль моей жизни, весь облепленный ракушками и водорослями, овеванный ветрами разных широт, потрепанный бурями, с истлевшими парусами...

Сыроедов уже любил старика. С умилением слушал он его мягкий протяжный говор, то-

ропливо записывая в блокнот чудесную повесть. Это была действительно замечательная жизнь.

Нищенствуя, Линев обошел всю Россию. Поступив на пароход мальчиком при поваре, он побывал в Бразилии, Лондоне, Марселе, на Суматре, в Австралии. Он добывал золото в Калифорнии и встречался с самим Джеком Лондоном.

— Джек сказал мне: «Старый Линь, золото выдумал дьявол, чтобы покупать человеческие души. Мы не доживем с тобой, Старый Линь, до того дня, когда человечество это поймет и свергнет этого дьявола. Но этот день придет, верь, Старый Линь!» И я верил Джеку...

Сыроедов с волнением записывал каждую фразу.

«Это будет замечательное произведение... Я назову его «Конец власти дьявола»... Или лучше так: «Рассказы Старого Линя». Это проще...»

А Линев все рассказывал, увлеченный воспоминаниями. Он снова бродил по миру, снова встречал своих старых друзей, снова замерзал, утопал, но, вовремя спасенный, воскресал для новой жизни.

День угасал. Тень от яблони уперлась в стену дома, потом поползла по бревнам, добралась до крыши, поросшей мхом, и пропала. Стало прохладно.

Линев пригласил Сыроедова в дом. На столе кипел самовар, и вкусно пахло свежим домашним печеньем. Мурлыкал длинношерстный дымчатый кот, потомок Индуса, которого Линев вывез из Индии и который будто бы приносил счастье тому, кто к нему прикасался. Потомок его был помесью индийской благородной породы с обыкновенной суходольской, отличавшейся страстью к воровству, тем не менее Сыроедов восторженно поглядывал кота. А Старый Линь, забыв о чае, все говорил и говорил, выгружая из неисчерпаемых трюмов своей удивительной памяти готовые новеллы.

Уже давно ночь окутала тихий Суходольск, а Старый Линь все говорил, и Сыроедов, утомленный, но счастливый, в третий раз наполнил чернилами «вечную» ручку. «Какие люди у нас! — умиленно думал он. — Только опишывай... Я вас заставлю говорить обо мне!» — он усмехнулся, мысленно угрожая кому-то.

Он думал о том, в какое издательство лучше предложить повесть. Он записывал рассказ Линева, а самовар погас, и голос старика сделался хриплым.

— Я вам подарю котенка, — сказал Старый Линь, заметив, что Сыроедов опять поглядывал кота. — Ну, а теперь начну рассказывать о том, какие деяния я совершил, возвратившись в семнадцатом году на родину из Аме-

рики. Это, пожалуй, интересней чем все мои скитания, потому что здесь я нашел то счастье, за которым гонялся по всему свету... В подарок своей отчизне я привез один очень важный производственный секрет...

Бодрая старушка накрыла стол и пригласила отужинать.

Старый Линь налил по рюмке темной настойки и предложил выпить за его друга Джека. Окончательно растроганный, Сыроедов достал из портфеля свой роман «Черный ветер». Он написал на книге: «На память о нашей прекрасной встрече» — и протянул старушке.

Старый Линь надел роговые очки, сделавшие его похожим на сову, и с лица его сбегала улыбка.

— Это я читал. Мне не нравится, как вы описываете женщин. Они у вас все самки. Женщина же, дающая начало жизни, источник ее, обязывает нас показывать ее достойно, то есть высоко и чисто, — строго сказал Старый Линь. — Я сейчас расскажу вам одну историю на эту тему...

— А ты бы не мучил ни себя, ни гостя, — сказала старушка. — Дал бы им почитать свою рукопись. Он-то ведь человек грамотный.

— Какую рукопись? — дрогнувшим голосом спросил Сыроедов.

Старый Линь поднялся, вышел в другую комнату и возвратился с толстой папкой, на которой четко было написано: «Рассказы Старого Линя».

— Приезжал тут один человек от издательства, уговорил меня списать свою жизнь... Только где же вам ее прочитать, она велика, а я хотел рассказать вам все это вкратце, чтобы не затруднять чтение.

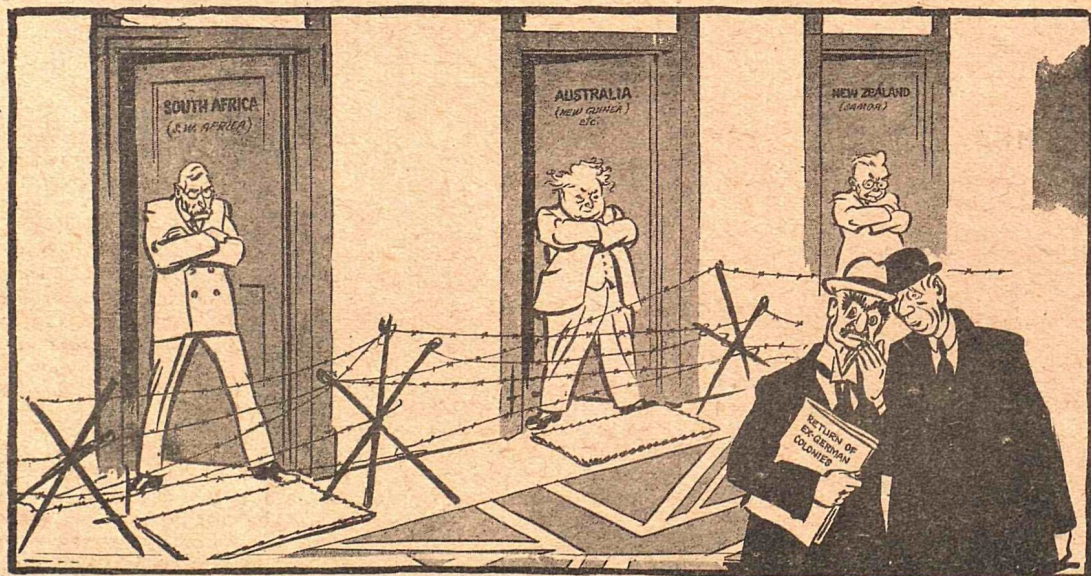
Сыроедов раскрыл папку, руки его дрожали, когда он переворачивал листы, исписанные аккуратным старческим почерком. Он растерянно посмотрел на часы: было около двух, поезд уходил только в двенадцать дня.

Ему хотелось поскорей уйти, но он подумал, что придется идти одному по улицам незнакомого города, сидеть на вокзале и страдать. Он решил переночевать у старика и улечься на кожаном диване.

Уснуть он не мог. Рядом громко мурлыкал потомок Индуса, где-то пищали котятка. За перегородкой похрапывал Старый Линь, прищвартовавший корабль своей жизни к последней пристани.

Утром старики напоили Сыроедова чаем с ватрушками, а на прощанье Старый Линь вручил ему корзиночку, обязанную марлей, под которой жалобно пищал и царапался потомок Индуса, приносящего счастье.

В. ИЛЬЕНКОВ

Английский художник Лоу (в газете „Ивингг стандарт“) изобразил колонии (Южную Африку, Австралию, Новую Зеландию). Чемберлен держит в руках требования Гитлера о возврате колоний и говорит:

— Может быть, следовало послать туда Ренсимена?

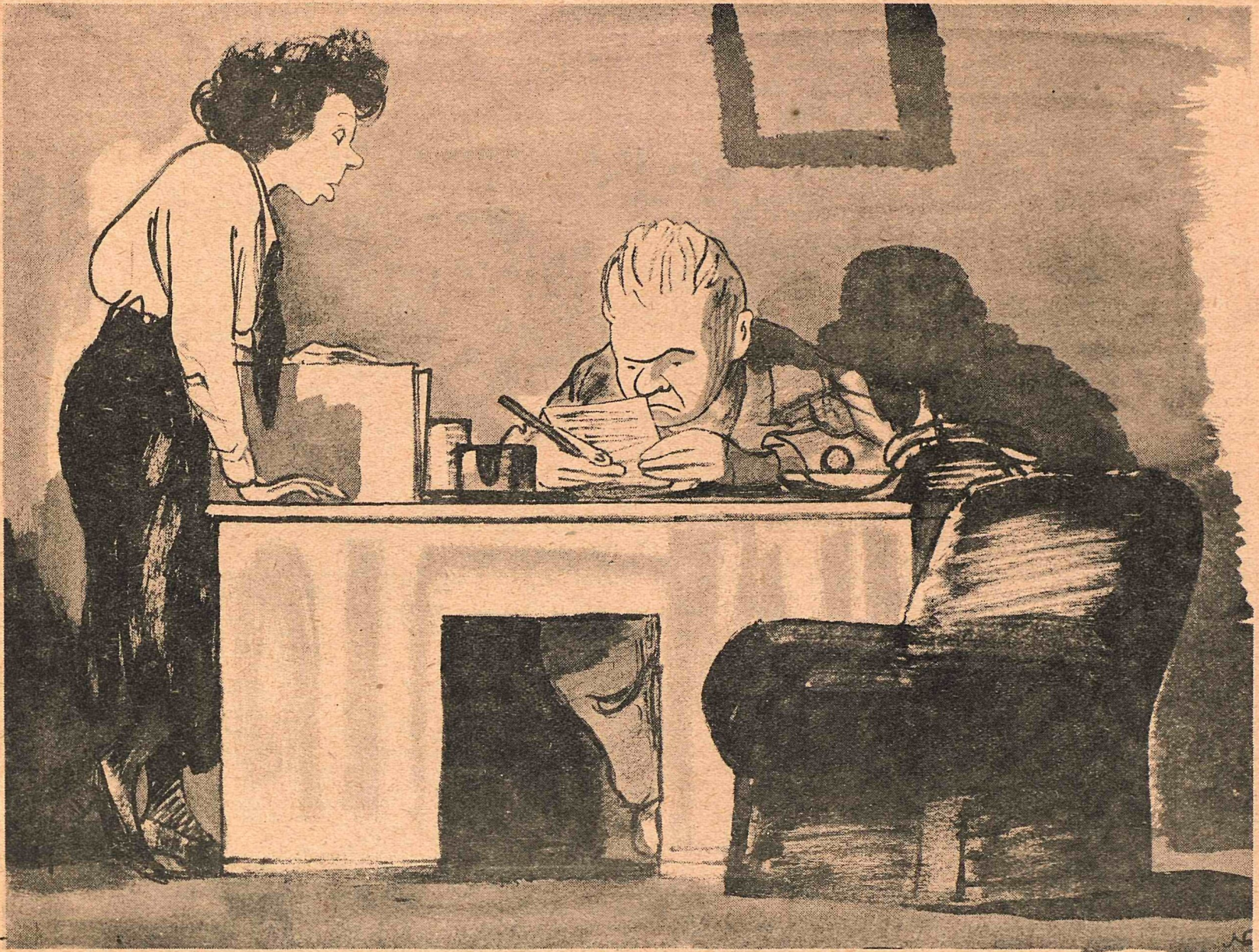

Рис. Л. Бродаты

НЕПРИМИРИМЫЙ БОРЕЦ

— Не потерплю клеветников у себя в тресте! Кочерыжка надо немедленно перебросить на периферию.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

ЖАЖДА ЗНАНИЙ

«...Ввиду того, что народного судьи с апреля месяца нет, последний находится на курсах при Областном суде, а поэтому и исковое заявление ваше еще не разобрано»,—

так ответил в сентябре этого года народный суд Фировского района, Калининской области, одному из московских учреждений, обеспокоенному задержкой судопроизводства по его иску.

Подумаешь, большое дело —
Полгода без судьи район!
Дела на месте, здание цело
И писем выдержанный тон...
Одна тревога сердце точит,
Отгиошает ум, как груз,
Что, если вдруг судья захочет
Окончить после курсов вуз?!

НЕПРОХОДИМАЯ МАКАРОВА

Замогильным холодом веет от этой скромной бумажки, скрепленной подписью врача чернышевской районной больницы (Читинская область) Макаровой и круглой печатью этой же больницы. Оказывается, в Чернышевском районе уже запросто общаются с потусторон-

ним миром, деловито выдают покойникам справки, отношения и прочие сопроводительные документы.

Справка

Дана Душкину,— твердой рукой пишет врач Макарова,— в том, что он умер от полной кишечной непроходимости. Умер 6 августа 1938 года.

Подпись.

Мы не мистики, и нам не ясно, как воспользовался на том свете покойный Душкин любезно выданной ему справкой «о кишечной непроходимости», но нам совершенно ясно, что выданная врачом Макаровой справка отличается непроходимостью на этом свете.

Не проходят такие бумаги, товарищ Макарова!

А ИГОЛКИ-ТО ВОТ ГДЕ!..

Было это в Куйбышевской области, в Сергиевском районе, в селе Елховке. В местном клубе собралась молодежь.

Посидели, поговорили, почитали газеты. Затем кто-то сказал:

— Может, потанцуем?

— Ну, что ж, можно... Вася, заведи патефон.

Вася развел руками и сказал:

— Не выйдет, товарищи: иголок у нас нету. Одна из присутствовавших девушек пожалала плечами:

— Только и всего? Какие вы, клубные работники, неповоротливые... Сейчас будут тебе иголки. Николаша, разувайся.

Николаша покорно разулся и передал полуботинок девушке. Та постучала подошвой о стол, и из подметки вылетели две свеженькие граммофонные иголки.

— На, заводи теперь! — сказала девушка.

Пока патефон гнусаво напевал «Капитан, капитан, улынитесь!», девушка объяснила товарищам свой поступок. Оказывается, в магазинах культтоваров Куйбышевской области патефонных иголок нет вовсе. Но весной эти иголки были привезены в местный союз сапожников. 16 килограммов патефонных иголок разошлись по артелям. И в основе ремонт обуви совершался все это время при помощи этого музыкального аксессуара.

Дальнейшее — дело смекалки той самой девушки, которая таковую смекалку действительно и проявила.

Добавим еще: и каковой смекалкой означенная девушка сильно отличается от руководителей куйбышевских торговых организаций.

На берегах Десны, в городе Брянске...

СКОЛЬКО УТЕКЛО ВОДЫ

В 1935 году на правом берегу тихой реки Десны, в городе Брянске, вышла в свет небольшая, заботливо изданная книжечка.

Это был «наказ брянскому городскому совету, принятый на всех выборных собраниях в ноябре — декабре 1934 года».

Особенно радовались выходу в свет наказа руководители брянского городского совета.

Любовно поглаживая коленкорный переплет, они вдохновенно говорили:

— Вот это наказик! Это ведь тот самый конкретный план работы, который ляжет в основу...

И положили они книжечку, но не в основу, а в письменные столы.

Менялись председатели городского совета, приходили и уходили их заместители, назначались новые заведующие отделами, а наказ оставался. Выцветал коленкор, желтели страницы. Но ничья заботливая рука не нарушала девственной чистоты полей, предусмотрительно оставленных для «отметок об исполнении».

— Изжил он себя, — с грустью в голосе сказал нам заместитель председателя брянского городского совета товарищ Белованцев. — Устарел. Жизнь — она неумолима. Бежит и бежит. Разве за ней угонишься? Эка, с 1934 года сколько воды в Десне утекло...

Насчет утечки воды возражать трудно. Но что касается выполнения наказа, то здесь, фигурально выражаясь, никакого движения воды не заметно. Наказ в Брянске сам по себе, а городской совет сам по себе. И последний раз выполнение наказа проверялось горсоветом лишь в 1936 году.

Член президиума фокинского районного совета начальник 2-го отделения брянской городской милиции товарищ Петрученко бодро уверял нас, что по его ведомству никаких таких предложений в наказе нет.

Товарищ Петрученко очень огорчен:

— Обошли милицию избиратели!

И невдомек товарищу начальнику, что целый раздел наказа специально посвящен ей, брянской милиции. Целых двенадцать пунктов на страницах 81, 82, 83.

О ПОЛЬЗЕ МАССОВЫХ КРОССОВ

Случилось так, что город Брянск держится на почтительном расстоянии от вокзалов железной дороги. Считаясь с этой неприятностью, брянские избиратели записали в наказ:

«180. Организовать бесперебойное автобусное движение за счет увеличения автомашин, установив движение по расписанию». Пункт этот был выполнен ровно наполовину. Расписание быстро составили.

Что касается автобусов, то они заняли довольно независимую позицию: день ходят, два нет. Население Фокинского, например, поселка (двадцать две тысячи жителей) проделывает десятикилометровую дистанцию до города и обратно по образу пешего хождения. С полной пищевкусовой выкладкой спешат с базара домохозяйки, преодолевают естественные препятствия дети и престарелые.

Пользу от такого способа передвижения горсовет видит несомненную, поскольку тысячи граждан приобщаются тем самым к массовым видам спорта. Сами же участники этих вынужденных кроссов по сильно пересеченной местности держатся, вероятно, на этот счет диаметрально противоположного мнения, в нем разуверять их мы не собираемся.

«НА ПЕРВЫЙ РАЗ...»

Уверены, что товарищу Коптенкову не приходится прибегать к услугам общественного питания, заведывая которым ему поручил брянский городской совет.

Иначе почтенный заведующий общепитом не относился бы так хладнокровно к деятельности вверенных ему предприятий.

А какова эта деятельность, тому свидетельствуют две записи в жалобной книге крупней-

шей в городе фабрики-кухни, при заводе имени Кирова.

11 августа. Пишут Ткаченко и Колпаков. Вощах вместе с капустой им попались клопы.

Заведующий фабрикой-кухней Богомолов отвечает на жалобу:

«Жалоба вполне обоснована. Руководящему повару Борщенко за халатное и безобразное отношение к возложенным обязанностям на первый раз поставлено на вид».

Заметьте: «на первый раз!» Значит, второй теоретически вполне допустим!

А вот и практика:

29 сентября. Тов. Березин выловил в борще паука.

И опять: «Жалоба вполне обоснована. Во время приготовления обедов в помещении кухни производилась побелка стен и потолка и, как видимо, паук попал в щи, которые варились на плите, за что бригадир Мишиной за невнимательное отношение на первый раз поставлено на вид».

Разве можно после этого упрекать руководство столовой в антисанитарии? Ведь даже во время приготовления обедов там не прекращается борьба за санитарную и гигиену!

Не знаем, как у кого, а у нас после прочтения этих записей пропало всякое желание довольствоваться продукцией этой адской кухни, к тому же увеличенной до масштабов фабрики!

Но мы все же были вынуждены попытаться пообедать в какой-либо другой брянской кухмистерской.

Однако столовая общепита на Ленинской улице по выходным отдыхает. Столовая Военторга уже два месяца находится в стадии застарелого ремонта. Питаться в столовой «Красный Октябрь» могут лишь люди, желудки которых свежо полужены, нервы закалены, а сердца очерствели подобно булкам, продающимся в этой столовой.

— Но почему же вы не направились в ресторан? — спросят нас иногородние читатели.

Увы тебе, наивный читатель! О ресторане скромные брянцы и не помышляют. Еще бы! Даже пункт наказа, гласящий:

«Обязательно открыть культурные столовые и чайные», —

и тот, как видишь, не выполнен!

В БРЯНСКОМ ЛЕСУ

В незапамятные времена тянулись вокруг Брянска густые зеленые насаждения, известные в истории под названием «Брянского леса». Иные старожилы и сейчас готовы поклясться, что могут с точностью указать дуб, на котором скрывался в этом лесу небезызвестный Соловей-разбойник.

Бывшие Брянские леса носят ныне будничное название водоохранной зоны, а на брянской улице с грозным наименованием — «Соловьи» — мирно резвятся дети.

Но бродят еще по Брянску измельчавшие потомки Соловья-разбойника. Они нарушают порядок в клубах, дебоширят на улицах, пугают прохожих. И нет на них Илья Муромца!

Сиднем-сидят брянские богатыри в милицеских формах и подобно своему соратнику и товарищу Петрученко пребывают в уверенности, что наказ избирателей к ним касательства не имеет.

А наказ довольно недвусмысленно требует:

«3. Усилить борьбу с хулиганством в театрах, кино, клубах и т. п.

Эх, Илья, Илья, где ты?

ГИГАНТЫ И КАРЛИКИ

Работникам городского совета не надо даже подниматься со своих удобных кресел, чтобы убедиться в целостности и сохранности четырех кирпичных стен вновь возводимого дома на Ленинской улице, по соседству с Домом советов.

Именно стен, потому что творческий взлет

брянских строителей никак не может превысить уровня чердачных перекрытий. Уже с 1936 года высится сей нерукотворный памятник безрукости местного горкомхоза, а до заселения дома так же далеко, как и год назад.

В городском совете любят при случае посетовать на остроту жилищного вопроса. Увы, жалобы и сетования — плохой строительный материал.

На строительстве нового кинотеатра за 3 года фундаменты еле-еле показались из земли, и кто знает: когда еще принесут плоды эти робкие киноростки?!

Но стоит ли удивляться таким потрясающим темпам? Побивая собственные рекорды медлительности, строители пятый год трудятся над завершением банно-прачечного комбината в Фокинском поселке. А ведь целых семь пунктов наказа избирателей еще в 1934 году вопияли к городскому совету на наболевшую банную тему!

Выше мы касались преимущественно гигантов строительного дела. Но и менее грандиозным сооружениям в Брянске также не везет.

Вот, простите за нескромность, общественная уборная, — так сказать, «не роскошь, а гигиена». Учтявая несложность этой постройки, избиратели наказывали:

«Построить общественную уборную в городе Брянске».

Но за пять лет городской совет преуспел только в утверждении проекта этого санитарно-технического колосса.

Впрочем, наиболее полно строительные таланты городского совета проявились даже здесь.

«Открыть... хлебный ларек на Нижней Некрасовской улице», — еще в 1934 году просили избиратели.

Ура, ура! Уже в четвертом квартале текущего, 1938 года, по сведениям горвнторга, в упомянутом ларьке осталось соорудить лишь стены: навес и печь уже выстроены.

ОРЛИНЫЕ ЗАМАШКИ

Рассказывая о делах и днях брянского городского совета, тов. Белованцев ни разу не обмолвился о так называемых объективных причинах. Видно, в Брянске понимают, что теперь на эту удочку никого не поймает.

Зато в своей речи он весьма часто обыгрывал слово «орел».

Нам удалось установить, что тов. Белованцев имел в виду не представителя пернатых, а свой областной центр — город Орел.

— Орел не дал...

— Орел урезал...

— Орел отказал...

Сказать правду, область не балует Брянск материнской лаской. Став областным центром, Орел порешил расправить крылья и обзавестись приличествующим човому сану оперением. А порешив, начал мало-помалу общипывать районные центры: то тут недодаст, то там фонды урежет:

— Самому надо!

Может быть, это и так. Но уж больно легко брянские градоправители примирились с положением общипанной курицы... Уж больно не блещет инициативой их деятельность на ниве городского благолепия...

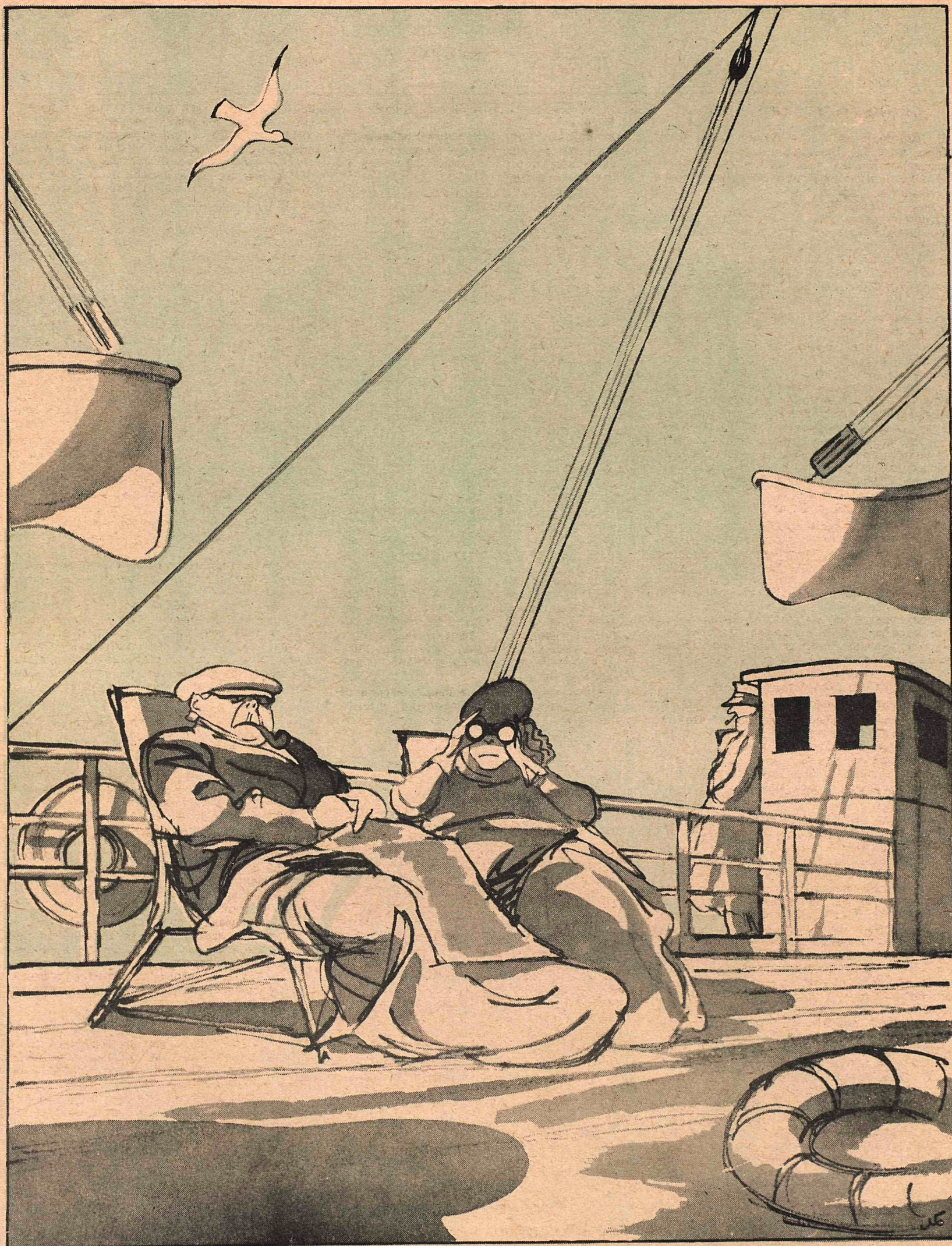
И если несмотря на это Брянск продолжает расти и хорошеть, то это только потому, что живут в нем энергичные культурные жизнелюбивые люди, отдающие много сил и труда во славу своего города.

Так что напрасно тов. Белованцев пытается уверять, что наказ избирателей устарел, потому как он-де «частично перевыполнен».

Устарел не наказ. Его составляли знающие люди. Устарели методы работы городского совета. Будет очень плохо, если брянский горсовет поймет эту несложную истину только в дни отчета и выборов. А они, говорят, не за горами!

Л. МАКСИМОВ, Е. ЕФРЕМОВ

Брянск, Орловской области.

В ТИХОМ ОКЕАНЕ

Рис. Л. Бродаты

— За последний час мы встретили десять японских шхун.
— Вероятно, поблизости происходят маневры американского флота.

Работа с автором

Современная театральная драма в 6 действиях

Действие I

Кабинет директора театра.

Курьер (вбегая). Тарас Тарасович, автор пришел.

Директор (радовано). Зови! (Курьер уходит, директор потирает руки, входит автор.)

Автор. Чуть свет уж на ногах, и я у ваших ног!

Директор. Что вы, Вильям Иванович, это мы у ваших ног. Принесли?

Автор. А как же. Я человек договора: раз в договоре «сдать первого», я сдал первого.

Директор. Я всегда в вас верил. Правда, в договоре «сдать первого августа», а сегодня первое октября, но это мелочь. Почитаем?

Автор. Почитаем.

Директор (звонит, входит курьер). Всех сюда! (К автору) Чаю, нарзану, ситро?!

Автор. Можно чаю.

(Курьер убегает, вбегает худрук.) Худрук. Что я слышал? Принесли?

Автор. Я человек договора.

Худрук. Дорогой мой! (Жмет авторскую руку.) Драма, комедия?

Автор. Сейчас услышите.

Худрук. Сгораю! Чаю, нарзану, ситро?

Автор. Можно нарзану.

(Вбегает завлит.)

Завлит. Не может быть?

Автор. Я человек договора.

Завлит. Золото вы, а не человек. Чаю, нарзану, ситро?

Автор. Можно ситро.

(Вбегает группа.)

Директор. Товарищи! Уважаемый Вильям Иванович Далекий выполнил свои обязательства перед нашим театром и написал пьесу, которую...

(Бурные аплодисменты. Автор встает и раскланивается. Курьер расставляет чай, нарзан, ситро.)

Автор (отпивает немного чаю). Можно начинать?

(Голоса: «Можно! Просим! Ждем!»)

Автор (отпивает немного нарзану, вынимает записную книжку, огкшливается и начинает читать). «Навострим лыжи». Спорткомедия в трех действиях и шести картинах.

(Бурные аплодисменты. Автор встает и раскланивается.)

Автор (отпивая немного ситро). Сделаем перерыв или пойдем дальше?

(Голоса: «Дальше! Не надо перерыва!»)

Автор. Я не быстро читаю?

(Голоса: «Нет, нет! Очень хорошо!»)

Автор (отпивая немного чаю). «Действующие лица:

Фаддей Спартаков — инструктор лыжной станции в Сочи.

Пятка Григорьевна Ахиллес — его жена, капитан женской футбольной команды «Улыбка».

Яков Львович Налогин — частник, владелец мастерской «Точка и клепка коньков».

Терентий Урожай — колхозник, член «ОПТЭ».

Петя Вихрь — летчик-наблюдатель.

Катя Шторм — его сестра, водолаз.

Иван Васильевич — старик-пенсионер, отец Спартаковера.

Марья Ивановна — старушка-пенсионерка, мать Ахиллес.

Герман Андреевич — радиотехник, он же донор.

Валентин Сдвиг — корреспондент местной газеты.

Место действия — Сочи. Время действия — наши дни.

(Закрывает записную книжку и кладет ее в карман. Большая пауза.)

Директор. Ну!

Автор. Что, ну?

Директор. Дальше.

Автор. Это все.

Директор. Все?!

Автор. Остальное в процессе работы.

(В группе движение. Автор допивает чай, нарзан, ситро.)

Директор (вздыхая). Будем обсуждать? Кто хочет высказаться? (Группа молчит.)

Худрук. Позвольте мне. Трудно, конечно, говорить о пьесе,

которую прослушал один раз, но эта пьеса принадлежит к числу таких пьес, когда мысли автора ясны, понятны и пьеса запоминается после первой же читки.

(Автор кивает головой и улыбается.)

Худрук. В пьесе есть спортивный костяк, правда, мы еще не видим сюжета, но он, несомненно, придет в процессе работы; в пьесе есть группа интересных действующих лиц, правда, мы еще не видим ни образов, ни характеров, но и они, несомненно, придут в процессе работы.

(Автор кивает головой.)

Не скрою от автора, что ожидал от него большего. Но учитывая, что пьеса сдана всего на два месяца позже срока, что автор все это время был занят работой над одноименным сценарием (автор кивает головой), а также тот драматургический голод, который испытывает наш театр, я считаю, что после целого ряда доделок совместно с

автором (автор кивает головой) мы получим тот драматургический материал, из которого мы создадим настоящий волнующий, увлекающий и заряжающий спектакль. Я кончил.

(Аплодирует один автор.)

Действие II

Артистическое фойе. За столом актеры.

Режиссер. Товарищи, прежде чем начать совместную работу с автором над пьесой «Навострим лыжи», разрешите огласить телеграмму от автора, который уехал в Сочи доделывать пьесу: «Верю поддержке коллектива желаю успеха всегда с вами Вильям». А теперь начнем репетировать. Карандаши и бумагу захватили? Очень хорошо! Начали.

Действие III

Троллейбус. Стоят два актера.

1-й актер. Что вы сейчас репетируете?

2-й актер. Сейчас наш театр работает совместно с автором над спорткомедией Вильяма Далекого «Навострим лыжи».

1-й актер. Ты в ней когонибудь пишешь?

2-й актер. Пишу.

1-й актер. Когда премьера?

2-й актер. Два акта уже написаны; думаю, к концу месяца допишем и покажем.

Действие IV

Сочи. пляж. Автор в пижаме.

Девушка в пижаме.

Девушка. Вы здесь долго еще пробудете?

Автор (бросая в море камушки). Как только кончится моя совместно с театром работа над моей спорткомедией «Навострим лыжи».

Девушка. А когда она кончится?

Автор (бросая в море камушки). Сегодня получил телеграмму, что уже дописывается третий акт. К концу месяца поеду на премьеру.

Действие V

Зрительный зал. Идет генеральная репетиция.

Автор (наклоняясь к режиссеру). Замечательно! Вы знаете, я не узнаю своей пьесы.

Режиссер. Еще бы! В процессе работы все так меняется.

Действие VI

Антракт во время премьеры.

1-й критик. Вильям Иванович, поздравляю. Замечательная лирическая комедия.

Автор. Благодарю вас. Если бы вы знали, как я над ней работал!

(1-й критик отходит. Подходит 2-й критик.)

2-й критик. Вы меня простите, но это бред, кошмар, набор слов.

Автор. А я тут при чем? Театр в процессе работы, не считаясь с автором, дописывает, доделывает, переделывает. Безобразно!

ЯКОВ РУДИН

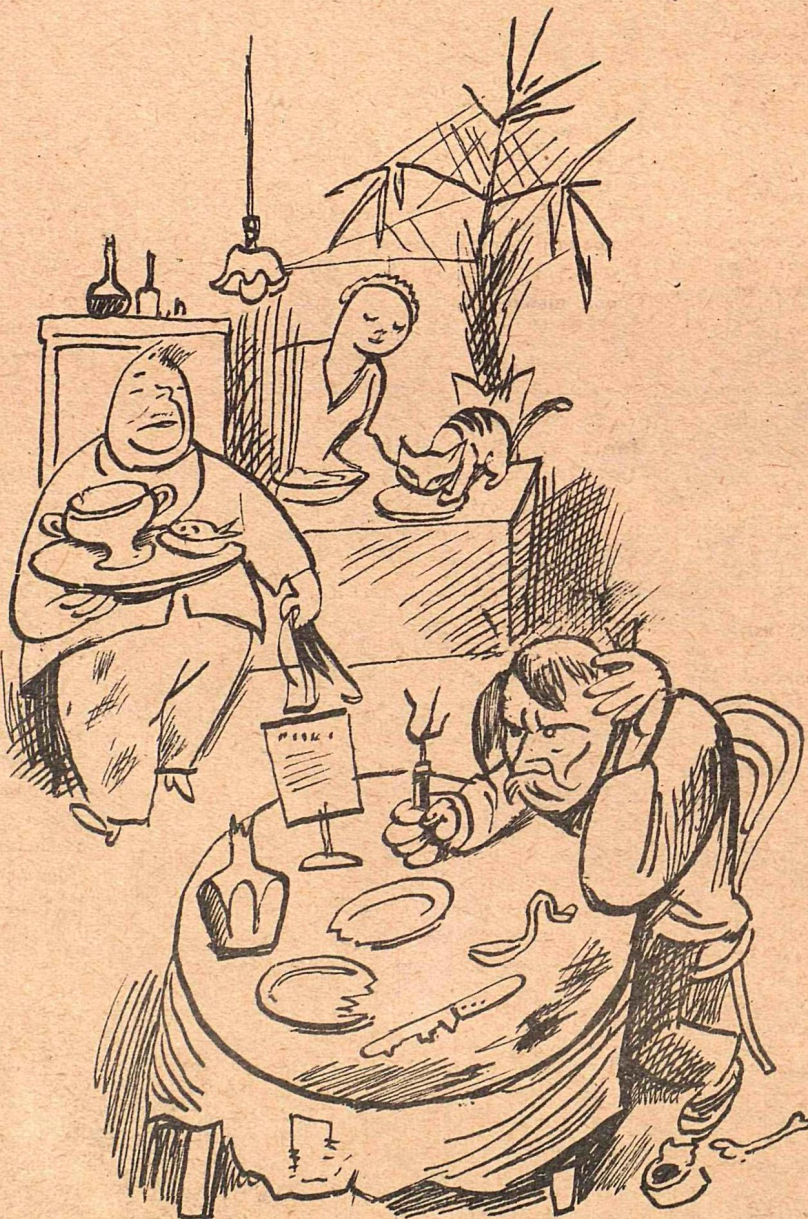

Рис. А. Радакова

Приборы, по которым точно устанавливается качество обслуживания.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

В своих письмах к Стасову и Крамскому великий русский художник Илья Ефимович Репин по поводу своей картины «Негритянка» писал: «Моя злополучная негритянка».

Репин заранее предугадал судьбу своей картины.

Зимой этого года газета «Советское искусство» поместила снимок картины под названием «Курильщица» Бутибонэ, а летом этого же года та же газета поместила этот же снимок, но под ним значится следующая надпись: «И. Е. Репин. «Негритянка»».

Действительно, злополучная негритянка!
Г. ВАСИЛЬЕВА,
М. КУЗНЕЦОВ

Ашхабад

Дорогой Крокодил!

Наркомпрос Татарии тов. Шарипов распорядился оплатить вынужденный прогул двум учителям Мамадышского района. Но вслед за распоряжением наркома заведующий планово-финансовым отделом Наркомпроса Калининков прислал бумагу в Мамадышский рон о том, чтобы денег учителям Сорокину и Федоровой не платили.

Может быть, у себя в наркомате тов. Шарипов уже не имеет авторитета? Но посоветуй наркому Шарипову, дорогой Крокодил, чтобы он позаботился о сохранении своего авторитета на местах. Пусть тов. Шарипов уговорит Калининкова не отменять его распоряжений в такой резкой форме.

А. ВОРОНЧИХИН,
пом. прокурора Мамадышского района

Дорогой Крокодил!

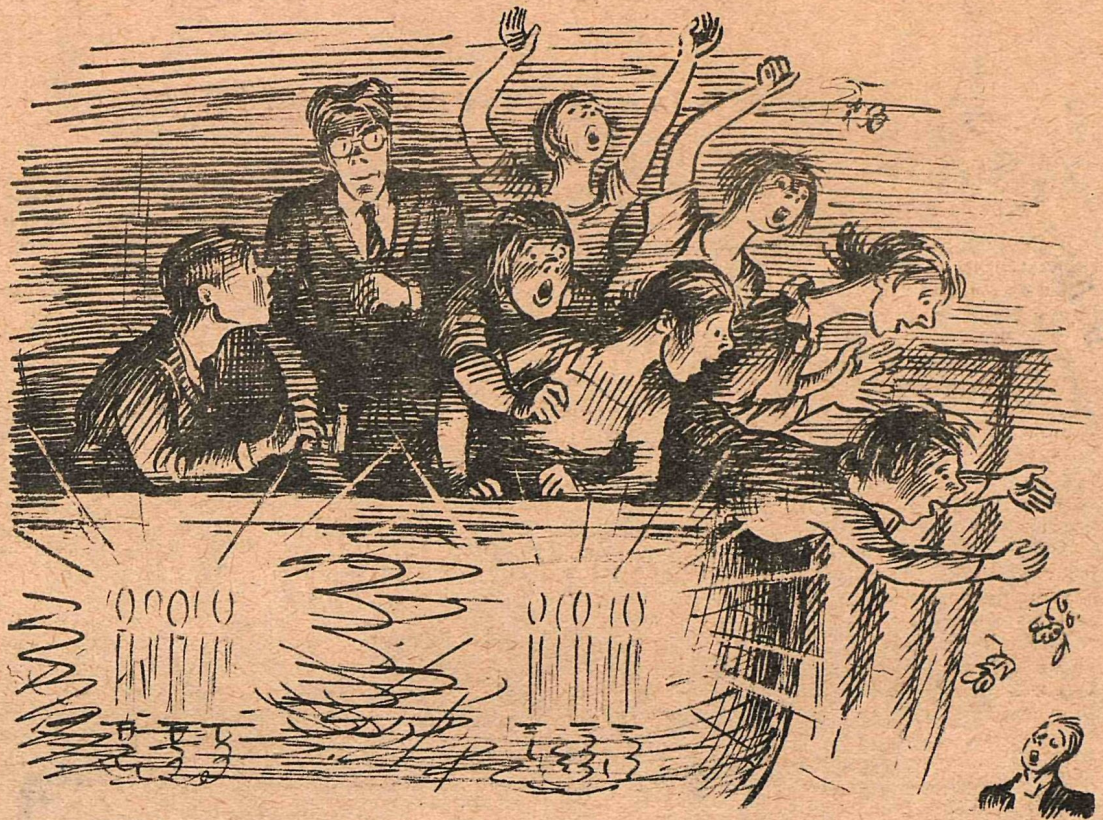
С нашей точки зрения подобные скопидомы — не очень хорошие хозяева.

К сожалению, к таким «хорошим хозяевам» в старинном вкусе мы должны отнести руководителей городского совета Днепродзержинска. Прилагаю для тебя ведомость, из которой тебе видно будет, что за 1937 и 1938 годы Днепродзержинский горсовет сэкономил несколько сотен тысяч на том, что деньги, ассигнованные на улучшение водопровода, канализации, трамвая, электросети, автобусов, на мощение улиц, озеленение, ремонт мостов и прочее, по назначению не истратил.

Впрочем, человек, хотя бы один день проведший в Днепродзержинске, не нуждается в ознакомлении с этой ведомостью: разрушенный и неотреставрированный театр, запущенный парк культуры, грязь и лужи, водопровод, бездействующий после дождливых дней, — все это гораздо убедительнее ведомости рассказывает о работе горсовета.

Нельзя ли, чтобы «хорошие хозяева» из Днепродзержинского горсовета обратились в хороших хозяев без кавычек или уступили место таковым?

В. БЕЛЯЕВ

После спектакля

НОЧЬ осенняя свежа и хороша,
Теплая, прозрачная погода!
Ниночка, от страха чуть дыша,
В первый раз у запасного входа.
Каждый вечер, веря и не веря,
Оперенье лучшее надев,
Пятьдесят девиц стоят у двери —
Сорок школьниц,
Десять старых дев!
И когда выходит тот, который
Только раз (на «бис» и не проси),
Покрывая мощный рокот хора,
Тянет изумительное «си», —
Пятьдесят девиц теряют разум,
Млеют неизвестно почему,
Пятьдесят девиц бледнеют разом
И с цветами тянутся к нему.
Стонут, от восторга обалдев,
Сорок школьниц,
Десять старых дев!
И тогда, изысканно одетый,
Мимо женщин, падающих ниц,
Он бежит, ушибленный букетом,
Оглушенный кликами девиц.
Ночь осенняя свежа и хороша,
До чего прозрачная погода!
Ниночка впервые, чуть дыша,
Ждет его у запасного входа,
От волнения места не находит,
Мнет цветы... И вот он, наконец.
Дверь открылась, человек выходит,

Ясно различая стук сердец.
Он испуган. Ищет темноты...
И тогда, немая, словно рыба,
Нина подает ему цветы,
Про себя себе сказав «Спасибо»,
Он смеется, но берет букет,
И они уходят с Ниной вместе...
Пятьдесят девиц, глядящих вслед,
Завистью подкошены на месте,
Стонут, от обиды похудев,
Сорок школьниц,
Десять старых дев!
Вот он начинает разговор,
Ниночка несет какой-то вздор,
А потом, преодолев смущенье,
Шумно выражает восхищенье.
Он согласен с нею: — Не плохи
Переходы, сцены и верхи...
Но пора! Последний поворот.
Вот и дом. Блаженство быстротечно!..
— Завтра?
— Да.

— За сценой?
— Ну, конечно!
Он один остался у ворот.
И пока, довольная собой,
Ниночка мечтает до рассвета...
Как сказать ей, что с ее букетом
Театральный плотник шел домой?

ОЛИВЕР СВИСТ

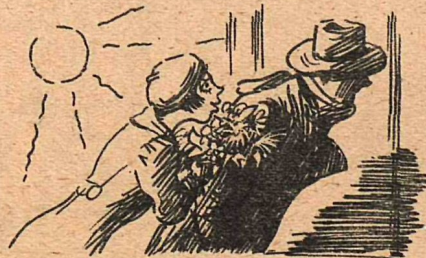

Рис. Н. Радлова

Редактор — Мих. КОЛЬЦОВ. Редакция: Г. РЫКЛИН, Л. РОВИНСКИЙ, В. КАТАЕВ, Е. ПЕТРОВ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-56; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 20 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва, Изд. № 1002

Сдача текста и рисунков 14/X 1938 г.

Подп. к печати 27/X 1938 г.

Статформат 72x105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № Б-54097. Типография газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2749. Тираж 275 000 экз.

Рис. М. Черных

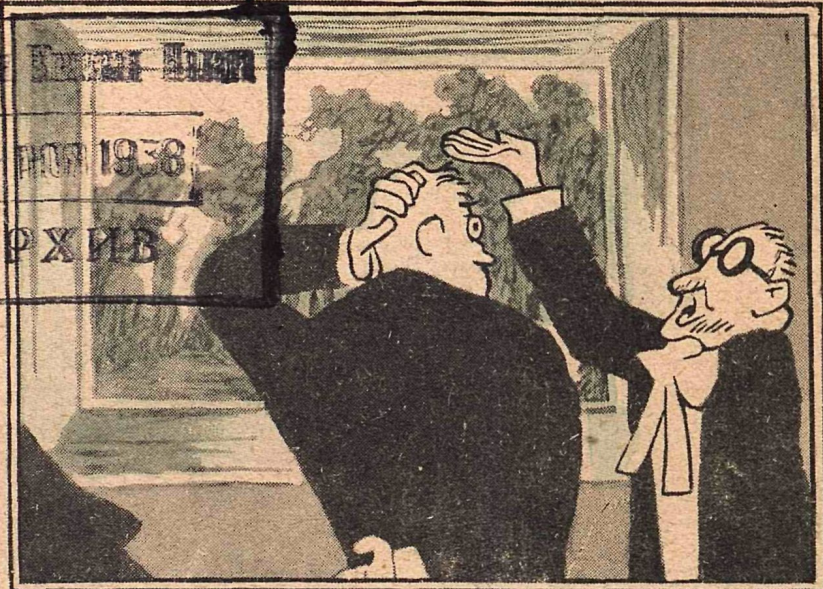
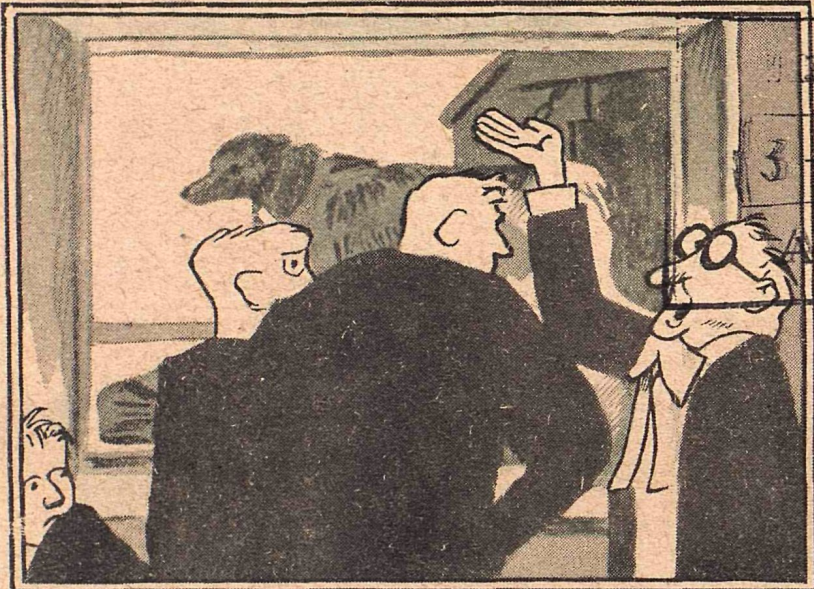
31 Октября
Всего 11. Платеж по чеку

ЭКСПУРСОВОД (унылым голосом): — Итак, вы видите перед собой картину замечательного художника Неффа. Внимательно взгляните в это гениальное творение. В период расцвета капитализма, в момент концентрации сил дворянских и бюргерских слоев художник как истый представитель своей среды не нашел иной темы, как изобразить на потеху крупной буржуазии двух купающихся итальянок... Тут уже замечается давление торгового капитала...

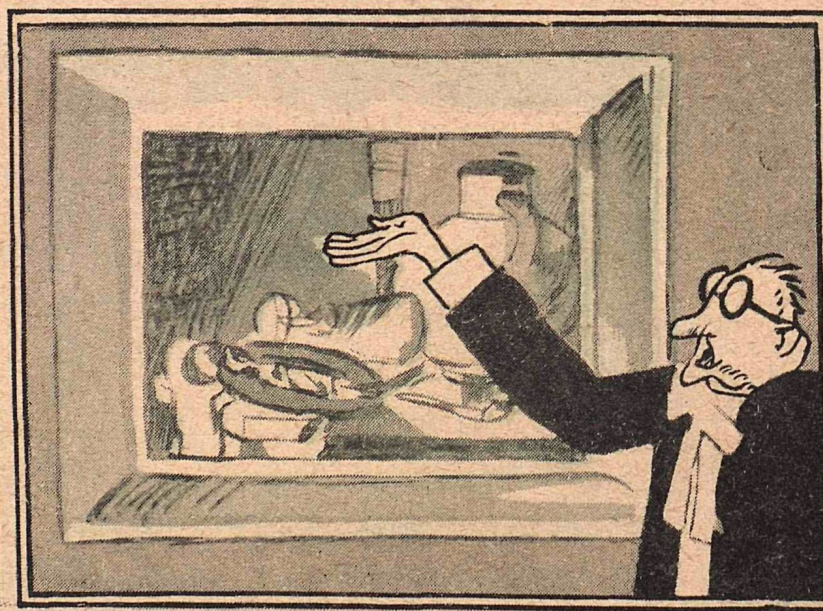
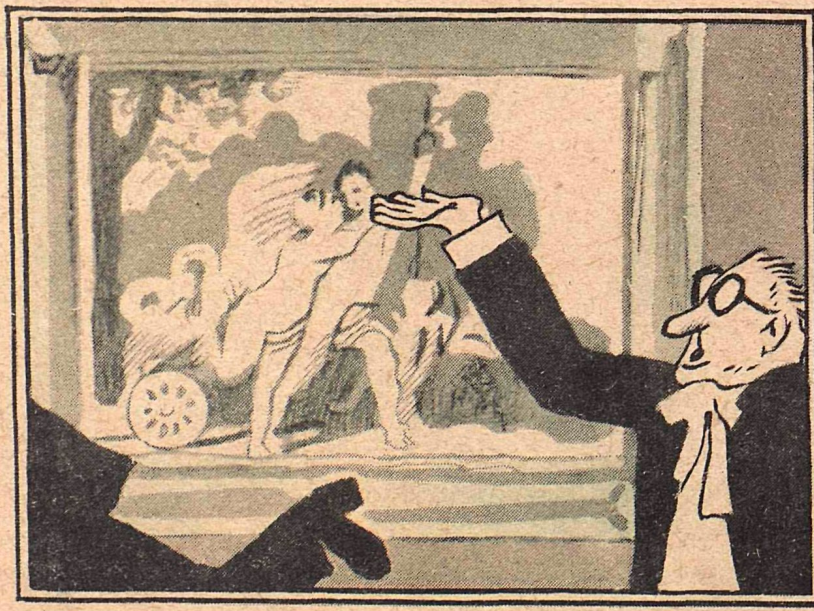
Теперь обратите ваше внимание на другое гениальное творение французского живописца XVII столетия — Ватто. На картине для чего-то изображен гитарист. Он тринкает на гитаре и думает: только и делов. А где борьба классов, где мертвая поступь феодального строя, где жесткая политика Бурбонов? В этой картине чувствуется лакировка эпохи, желание за праздничной и яркой фигурой скрыть язвы того времени...

В ред.
1/х

Или взгляните на превосходный этюд голландского живописца XVII столетия Пауля Поттера. Сей буржуазный живописец специализировался на рисовании отдельных коров и собак. Нет сомнения это был уход от современности, бегство от актуальных проблем. Однако гений живописца неависимо от сознания прорывается в действительность. Мы видим на картине целного пса, собаку собственника, собаку, стерегущую чужое добро, — символ эпохи, тревожное предчувствие гения...

Сейчас я попрошу вас взглянуть на картину знаменитого голландского художника Рейсдаля. Формально превосходно исполненная, она не выдерживает критики с точки зрения идейности. Нарисовано обыкновенное болото, которое ничего не дает ни уму, ни сердцу. Картина, как нарочно, названа «Болото», что само за себя говорит и показывает, куда скатился гениальный художник с его узким мироощущением.

Теперь оставшиеся слушатели могут взглянуть на полотно великого фламандского живописца Рубенса. Этот последний являлся настоящим колористом и поэтом слухийных и неорганизованных сил жизни. Художник был ярким представителем буржуазного католического искусства — барокко. Его картина «Венера и Адонис» является чудом искусства, перед которым с трепетом замирают люди... Гм, гм, куда же вы уходите?..

Нам осталось посмотреть еще один шедевр — натюр-морт несравненного ван Войрена. Взгляните на предметы, изображенные художником... Дуговая бутылка, чайная колбаса и еще какая-то ерунда, расположенная на столе, раскрывают нам дух эпохи. Одни кушают, другие голодают, третьи спекулируют предметами первой необходимости... Гм, гм... Всякий раз остаюсь один, как только дохожу до пятой или шестой картины.